

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

ПРАВЕДНИК

КОНТРОЛЬНАЯ МОЛИТВА

ПРАВЕДНЫЙ ДЕТЕКТИВ -
ВЕРОЙ И СИЛОЙ

Михаил Георгиевич Серегин

Контрольная молитва

Серия «Праведник», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167319
М.Серегин Контрольная молитва: Эксмо;*

Аннотация

Прошедший Афган спецназовец Михаил Шатунов уходит от мира и становится священником. Отец Василий теперь по-другому смотрит на людей и их проблемы, становится более терпимым и заботливым. Но когда бандиты угрожают его близким, прежние навыки спецназовца у отца Василия просыпаются сами собой...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Михаил Серегин

Контрольная молитва

Часть первая

Он выбил окно ногами и кубарем влетел в актовый зал. Осколки стекла с шелестом осыпались вокруг. Он осмотрелся. Справа, на сцене, клубилось варено человеческих тел в одинаковых серых спецовках – зэки.

– Шату-ун! – заорал из толпы Бош. – Мишаня-а-а!

Михаил побежал на зов, давя трещащие под ногами ступля, прыгнул на сцену и начал молотить зэков дубинкой по головам. Серая масса дрогнула, изменила окраску и поперла на него с выпученными глазами, оскаленными зубами и хищно пронзающими воздух заточками.

Михаил молотил направо и налево, со свистом рассекая воздух дубинкой, щитом отжимая тех, что слева, и пробиваясь к Бошу и Мулле. Резко ухудшилась видимость – это полетели через окно газовые гранаты. Толпа дрогнула и потекла со сцены вниз и к выходу. Бош сидел у стены, расставив руки в стороны, словно распятый на кресте.

– Бош! – позвал он. – Бош! Ты живой?!

Бош не отвечал.

Михаил вгляделся. Из подмышек Боша, единственных не

защищенных бронежилетом местах, веером торчали заточки. Он был мертв.

Михаил глянул правее. Там, на залитом кровью полу, лежал Мулла. Его достали ломом, который так и торчал откуда-то снизу, между ног. Михаил наклонился, рывком выдернул лом и, заметив боковым зрением неясную тень, инстинктивно пригнулся. Что-то жестко чиркнуло по шлему, он развернулся и наотмашь саданул ломом в газовый туман. Зэк хрюкнул и сел на пол.

Там, у дверей актового зала, еще давилась надрывно кашляющая толпа, и Михаил, отбросив щит, взял лом наперевес и двинулся к ней. Серая масса судорожно подергивалась, но передние застряли в проеме и мешали задним. Михаил выдавил их наружу и погнал «железной розгой» сначала по лестнице вниз, а затем и по тротуару.

Справа и слева уже сомкнули сверкающие на солнце щиты бойцы из батальона ВВ, и зэкам деться было некуда. Они отслаивались от толпы, падали под ударами спецгруппы, пытались отползти, но их тут же окружали солдаты, и бунтовщики быстро становились похожими на сочащуюся свежей кровью отбивную. Михаил гнал их до самого пищеблока, чувствуя, как хрустят под его ударами позвонки и черепа и трещат порванные заостренным концом лома одежда и плоть. Зэки еще пытались укрыться в подсобках при столовой, но и здесь их поджидали.

Последнего зэка Михаил зажал в угол, как мышь на кухне.

Тот заметался, но понял, что деваться некуда, повернулся к нему лицом и умоляюще посмотрел в глаза.

Это был совсем мальчишка. Лет восемнадцати. Хотя выглядел он еще моложе. И на кого-то был похож...

— Не надо, дяденька! — хватал он воздух ртом. — Не надо!

Михаил зачем-то придержал удар и вдруг понял, что ему смертельно хочется испытать, как хрустнет эта хилая грудная клетка под его ударом. Он снова занес лом, и пацан задрался вжался спиной в угол, ожидая смерти.

Далеко сзади устрашающе громыхал щитами спецбатальон, добывая отрезанные от основной массы группы бунтовщиков.

Его дыхание тяжело рвалось из противогаза, и Михаилу стало нестерпимо душно, он взмок и теперь уже хотел только одного: закончить с этим поскорее... Он снова занес лом и... проснулся.

* * *

Отец Василий подскочил, сел на кровати и вцепился пальцами в большой серебряный нательный крест.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!

По лицу катился пот, дыхание было прерывистым, отчаянно разнылся пробитый в тот раз бок. Он огляделся, словно для того, чтобы еще раз убедиться, что с той, прежней, жиз-

нюю покончено. Мирно тикали ходики, повернулась на бок и прижалась к его подушке Олюшка, а за окном уже занимался июльский рассвет. Отец Василий тяжело поднялся с кровати и побрел на кухню. Включил свет и глянул на часы: 4.30 утра.

Он взял с расписной дощечки большую алюминиевую кружку, набрал из ведра воды и выглянул в окно на заваленный строительным материалом двор.

«Стройку надо завершать! – покачал он головой. – Нехорошо будет, если доски под снег уйдут!»

Отец Василий отпил из кружки и сел на заляпанный присохшей краской табурет у окна. Этот сон преследовал его уже восемь лет подряд, сначала чаще, потом реже. И каждый раз он метался во сне, судорожно пытаясь проснуться чуть раньше того момента, когда он ЭТО сделает, и вскакивал в поту и смятении.

На самом деле он мальчишку так и не ударил. Старлей окликнул его и тут же направил в пищеблок на помощь второму взводу. Но каждый раз во сне он этого не знал.

Бунт разразился внезапно по какому-то пустяковому поводу, хотя ситуация созревала давно. Начальство било тревогу еще в девяносто втором, когда на зоне прикрыли деревообрабатывающее производство, но стране было не до того. Затем зону подуплотнили, затем на воле начался передел сфер влияния между авторитетами... Вот и нагнеталась обстановка – шаг за шагом, этап за этапом. Понятно, что, когда дела не идут, начальство подналегает на дисциплину, и пра-

вильно делает – иначе развал и распад. Так было и в этот раз, но в чем-то зам по режиму просчитался. Результат: трое заживо сваренных в паровых котлах пищеблока стукачей, четырнадцать трупов среди зэков, двое убитых солдатиков и два погибших бойца роты специального назначения, в которой служил сержант-сверхсрочник Михаил Шатунов, ныне отец Василий.

* * *

Тогда он был еще далек от понимания своей судьбы.

Карьера строилась неровно, служба протекала с перебоями, но все-таки держалась в едином русле. Сначала два года срочной в Афгане, легкое ранение и орден Красной Звезды. Затем подвернулись «покупатели» из службы охраны западного посольства и ребята из роты спецназа, и он выбрал спецназ – два тяжелых ранения и еще один орден Красной Звезды. А потом начались проблемы. Роту по непонятным, а точнее, по вполне понятным для специалистов причинам расформировали, и ему снова пришлось искать работу.

Пять лет он то взлетал, то падал, но всегда держался своих и точно знал: то, что он делает, может быть, самое важное, самое нужное для страны, потому что если они не смогут унять этих отморожков, то кто вообще сможет их унять?!

А потом к ним пришел поп. Это было в девяносто третьем, когда власти уже вовсю заигрывали с церковью и даже сам

президент с удовольствием стоял перед камерой со свечкой в руке и масляной улыбкой на холеной роже.

– Слушай меня, бойцы! – объявил перед визитом ротный. – Сегодня вместо общественно-политической подготовки будет батюшка; никому не ржать, шибко умных из себя не строить! Если кто не понял, объясняю: уйдет батюшка – шкуру спущу!

– А если я, к примеру, мусульманин? – ехидно поинтересовался Мулла.

– Значит, просто сиди, – придавил его взглядом к стулу ротный. – От тебя не убудет.

Священник оказался молоденький, но прыткий. Свою позицию он изложил в популярной, доступной, почти казарменной форме, в два часа уложился, а в качестве презента раздал каждому из бойцов по маленькой книжке в пластиковой обложке.

– И эта вся Библия?! – поразился тогда Михаил. – Не густо...

– Если кому не надо, не выкидывать, – своевременно вмешался ротный. – Придут молодые, будут читать.

– Перед сном! – заржал Гусь. – Чтоб лучше дровичлось.

– Отставить смефучки! – рявкнул ротный.

– А при чем здесь это? – повернулся к Гусю Михаил.

– Знаешь, Шатун, – зло хмыкнул Гусь. – Меня этим фуфлом с четырех лет пичкали! Вот где сидит! – он провел рукой поперек горла. – Кто с кем спал, да кого родил, да кто

своих дочерей поимел...

– Да ну?! – не поверил Михаил.

– Бля буду, Шатун! – сплюнул на газон Гусь. – Ее озабоченные писали!

Михаил пожал плечами, раскрыл книжку и прочитал. «Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы».

Фраза показалась ему интересной, и он начал примерять ее то к одному своему знакомому, то к другому. Подходило... Настоящих-то отморозков среди них не было; настоящим он лично ребра ломал на каждом выезде, но вот что удивительно: человечки, все до единого, отчаянно сторонились освещения своих темненьких сторон – тем отчаянней, чем темнее делишки! Михаилу показалось это забавным.

Следующие две-три недели он развлекался: самым невинным тоном спрашивал у людей о чем-нибудь таком и с наслаждением наблюдал, как багровеют их лица и сжимаются кулаки. Они все «боялись света». Набить ему – Шатуну морду никто не мог, да и вопросы он задавал самые невинные. Но как их цепляло! В «десятку»! Такого классного развлечения у него еще никогда не было.

«Придурки! – с презрением думал он. – Как же вы, козлы, еще умудряетесь себя уважать?» Он понимал, что не смог бы с таким говном внутри отважиться ни на один боевой выезд, и уже видел, что только поэтому они все и не занимаются настоящей мужской работой, а так, по офисам да конторам

копейки сшибают, доносы один на другого строчат да тех, кто послабее, подсигивают.

Собой он гордиться мог. За двумя орденами кое-что стояло – товарищей не бросал, от опасности не уклонялся.

А потом случился этот бунт...

Ровно три дня носил в себе это Шатун, огрызаясь даже на ротного, а потом понял: было! Было и в нем такое, в чем он не признался бы никому. И ордена уже не помогали. Он слишком себя уважал, чтобы прятать это от себя: он хотел убить того молодого пацана у стены пищеблока. И не потому, что тот что-то сделал, юный заключенный никаким боком не был причастен к убийству Боша и Муллы. И не потому, что пацан был зэк, а значит, по-любому, виновен. Тогда Мишке было на это абсолютно наплевать. Он просто хотел ощутить, как лопнут эти косточки под его ударом и с каким аппетитным причмоком войдет в тщедушное тельце его лом...

А на четвертый день ротный пригласил его в кабинет, усадил рядом с собой и положил свою тяжелую, красную руку ему на плечо.

– Вот что, Шатунов, – сказал ротный. – Я понимаю, что такое – гибель товарищей, сам терял. Но ты не должен себя винить! Это – наша работа, и каждый из нас готов исполнить свой долг до конца. Поверь мне, их смерть – не твоя вина, и эта смерть не напрасна!

– Я знаю, – проглотил комок в горле Михаил.

– Бошкевича и Муллаева не вернуть, – вздохнул ротный. –

Но жизнь вместе с их гибелью не кончилась, и служба наша боевая не кончилась. Даю тебе неделю. Напейся, бабу себе новую подцепи, ну я не знаю... домой, что ли, съезди, если захочешь, или вон к нашему штатному психологу зайди – классный мужик, говорят, хоть и работает у нас всего неделю... но с таким настроением надо кончать. Ты все понял?

Михаил только покачал головой.

Он заперся в своей комнатке в общежитии на Подгорной улице и думал. Если честно, ему было плевать на того пацана, да и вообще на всех, кого он, как теперь понимал, увечил не только во благо Отчизны. Все они были отморозки и знали, на что шли. Ему и теперь было на них наплевать. Но на себя он наплевать не мог. Он привык себя уважать, а теперь это не получалось.

«Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы...» – мысленно повторял он и все глубже осознавал, что ненавидит свет и что никому в мире не позволит узнать скрытую за наградами и благодарностями реальную истину о себе. Он слишком этого боялся. И если с этими злом и ненавистью внутри он жить еще мог, то делить стол, постель и всю свою жизнь с этим страхом не собирался. Но он знал только один способ победить страх – идти ему навстречу.

На третий день своего странного «отпуска» он пошел в церковь, но не смог выдать из себя ни слова. Тогда он вернулся домой и оставшиеся четыре дня готовил свою «испове-

дальнюю речь». Все казалось простым: тайна исповеди гарантирована... кто что узнает? Ну, поп... и, может быть, Этот, если он, конечно, есть... Но и во второй раз все окончилось точно так же. Ужас признания передавил горло и не позволил вымолвить ни звука.

Выйдя на службу, он положил рапорт на стол, а через два с половиной месяца, подготовив себе из молодых более-менее полноценную замену, уехал домой, в Усть-Кудеяр.

* * *

– Доброго утречка, батюшка, – вышла в кухню Ольга.
– Благословенна будь, Олюшка, – отозвался отец Василий.
– Никак на крылечко смотрите, батюшка? – невзначай поинтересовалась Ольга.

Отец Василий крикнул. Крыльцо, ведущее на летнюю кухню, требовало доделки. Сама расположенная метрах в полутора над землей летняя кухня была спроектирована и поставлена безупречно. Они с Олюшкой уже теперь любили смотреть на открывающийся из ее окошек вид: косогор, краешек Волги, березовая рощица у оврага... Но строители сляпали крылечко, что называется, «на живую», и подниматься по ступенькам следовало с превеликой осторожностью – один раз оно уже завалилось.

Отец Василий крылечко поднял и поленцем подпер, но он и сам понимал, что это – полумера. Новый дом весь требовал

доделки. Не проведен водопровод, и воду Оля носила на себе от цистерны на въезде. Так и не доведена до ума отопительная система. А впереди еще предстояли окраска, шпаклевка, наклейка обоев и плитки, — в общем, все, что так долго делать самому и за что так дорого берут строители.

Оля поставила на плиту кастрюльку с постными щами, достала хлеб и вытащила из холодильника банку с компотом. Она все делала молча, но отец Василий видел, что жена встревожена, хотя и пытается это скрыть. Конечно же, она поняла, что ему приснилось; она читала в его глазах так легко, как иные и в книгах не читают. Но она всегда считала, что причитать неумно и муж со всем справится сам. Она знала, за кого вышла замуж.

* * *

Когда она встретила его, ей уже было двадцать шесть — по всем меркам старая дева, причем в классическом смысле этого слова. А на знаменитую на весь Загорск аллею ее пригласила Светка, подружка, вместе с которой Ольга и совершала эту краткую автобусную «экскурсию выходного дня».

Поповские дочери со всей, наверное, России сидели на лавочках и чинно и неторопливо прохаживались по тенистой аллее, поглядывая на симпатичных бородатеньких выпускников семинарии. Собственно, это было единственное место в Загорске, а то и по всей России, где будущий священник

мог выбрать себе невесту, отвечающую нормальным церковным требованиям: хорошая семья, полноценное православное воспитание и, конечно, глубокое понимание, с кем и как ей предстоит прожить всю свою жизнь.

Подружка охала, хихикала, что-то жарко шептала ей на ухо, но Ольга ничего, кроме неловкости, не чувствовала, словно без спросу вошла в чужую квартиру.

Он появился внезапно и шел навстречу – большой, выросший, с глубокими взрослыми глазами. И он выделялся на фоне молоденьких жизнерадостных попигов, как сильный, опытный волкодав среди ухоженных домашних болонок. Именно таким она его увидела, даже не понимая, насколько окажется права.

«Если бы он...» – неожиданно для себя подумала Ольга.

«Если бы она...» – как позже признался он ей, подумал Миша и подошел.

– Здравствуйте, – без обиняков сказал он и сразу представился: – Михаил Иванович Шатунов.

– Здравст-вуй-те, – растерянно сглотнула комок в горле Ольга, не замечая, как вцепилась ей ногтями в руку подруга. – Ольга... Федотова...

Они стояли и молчали неприлично долго, пока Светка не потянула Ольгу за руку.

– Нам пора, – извиняющимся тоном сказала она. – Мы проездом.

– Жаль, – сдвинул брови Михаил Иванович и вдруг с на-

деждой заглянул в Ольгины глаза. – А может быть, не стоит так торопиться?

– Я не тороплюсь, – неожиданно для себя пожала плечами Ольга.

Светка бурно выпадала в осадок, такой она свою подругу еще не видела. А вечером они с Мишей посадили ее в экскурсионный автобус, помахали Светке рукой и пошли в гостиницу – устраивать Ольгу. Так что к ее родителям в Зеленоград они поехали уже вдвоем.

Как довольно быстро поняла Ольга, никто от этого их решения в особый восторг не пришел, ни ее родители, кажется, уже привыкшие к ее хронически незамужнему состоянию, ни духовные наставники ее жениха, желавшие видеть на ее месте какую-нибудь поповну. Но с волей Михаила Ивановича посчитались и те и другие – сказывалась его внутренняя мощь.

* * *

Отец Василий поел щей, выпил кружку компота, оделся и, нежно поцеловав Ольгины ладошки, вышел за дверь. Солнышко уже встало, и облюбовавшие придорожные березки птицы пели и щебетали на все лады, славя сотворенный господом мир. А у самой линии горизонта, там, где синее небо становится белым, блестела далекая Волга. И был во всем этом такой покой, такое неброское, но истинное величие, что

у отца Василия нет-нет да и наворачивалась слеза. Ему было искренне жаль, что люди на рассвете большей частью спят, неразумно пропуская возможность увидеть, почувствовать, ощутить всей кожей, каждой клеточкой своих тел эту одухотворенную красоту Божьего Творения.

Отец Василий вышел на дорогу и ровным, размеренным шагом тронулся в путь. Он никогда не приезжал домой на своих «Жигулях», так и оставляя их под опекой храмового сторожа, поскольку терять это ежеутреннее наслаждение Божественной красотой мироздания не хотелось.

* * *

Путь в приход был долгим – шесть лет. Шесть лет труда, размышлений и покаяния. Он вернулся к матери в Усть-Кудеяр, устроился грузчиком на товарный двор и каждый день, придя домой и дав матери в очередной раз убедиться, что он не пьян, не обкурен и не обколот, закрывался в своей комнате.

Она не понимала, что с ним происходит, как, впрочем, и все остальные. В течение недели он отшил всех своих бывших друзей и подруг и поставил на работе жесткую границу между собой и людьми. Иначе бы он с этим не справился – или убил бы кого, или покалечил.

– Мишаня точно «подвинулся»! – говорили за его спиной друзья.

– Войну мальчик прошел, – понимающе вздыхали подруги матери.

– Да что вы такое говорите! – возражали те, что помоложе. – Он с Афгана какой приехал – загорелый, бравый... а теперь? Не-е, это все Москва проклятушая парня искалечила!

– А может, у него там любовь осталась? Ань, у него с этим как – все нормально?

Мать возмущалась, и после этого разговор переключался на Москву, москвичей и москвичек.

А вечерами в своей комнате Миша ходил из угла в угол, и даже ему самому это все более напоминало сумасшествие. Но и поделаться с собой он уже ничего не мог. Темных углов оказалось больше, чем он думал. На том пацаненке все только началось.

Он вспомнил двух старых душманов, которых лично приговорил и лично привел приговор в исполнение. Он вспомнил ту смуглую девчонку, совсем еще соплюху, которую оставил Кабану, хотя прекрасно знал, чем это закончится. Он вспомнил, как еще в карантине бросил-таки товарища разбираться со своими проблемами самого, и вот это воспоминание далось ему куда тяжелее остальных.

«Да нет же, – убеждал он себя. – Колесов сам виноват. Чего я об этом думаю?!» – но тут же вспоминал: «Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету...»

Большинство его поступков было формально безупречным. Но он вспоминал их подоплеку, и почти всегда оказы-

валось, что за внешней благообразностью скрывается совсем иное: или спесь, или жестокость.

За примерную работу его поставили бригадиром над грузчиками, а вскоре и начальником смены, и жизнь потекла монотонно и однообразно. Он приходил домой, отсыпался, а потом натягивал кроссовки и бежал через рощу за поселком, а оттуда все дальше и дальше, мимо совхозных полей, мимо дубового лесочка у речки Студенки, мимо всего...

Он гнал себя еще жестче, еще беспощаднее, чем это делали с ним в учебке, но, как ни странно, дышать становилось легче.

В одну из таких пробежек, недалеко от Самсоновки, он и наткнулся на полуразваленную часовню. Михаил, сам не понимая, зачем это делает, резко свернул с трассы и, постепенно сбавляя скорость, вошел под своды. Прямо у порога сидел на табуретке дедок в рясе.

– Т-сс! – поднял палец дедок. – Осторожнее...

– А что случилось? – таким же шепотом спросил Михаил.

– Не наступите на обломки, это четырнадцатый век, – сказал дедок.

Михаил огляделся. Весь пол был усыпан серыми замшевыми кусками штукатурки.

– Это фрески, – объяснил дед. – Великого мастера работа. Вот уж действительно ангелы его рукой водили...

Дед оказался монахом из расположенного километрах в шестистах от Усть-Кудеяра монастыря, а сюда приехал в

командировку, или, как он сказал, «на послушание», восстанавливать эту самую часовню, только что возвращенную православной церкви. Одно время здесь был склад, затем клуб, а теперь государство решило проявить добрую волю и вернуть хозяину пришедшую в почти полное запустение украденную в тридцатых годах собственность.

Работа предстояла серьезная, но хуже всего было то, что финансирование реставрационных работ должны были открыть только в следующем году, а спасти бесценное наследие наших православных предков надо было уже сейчас. Ведь сырость не щадила ничего.

Они просидели за беседой четыре часа, и давно уже Михаилу не было так хорошо. Дед не влезал в его жизнь, не доставал нравоучениями, но на вопросы отвечал, словно понимая каждое движение его души. Такое Михаилу было в диковинку. Он задал парочку провокационных вопросов, но дед ответил столь просто и с таким пониманием сути, что Михаил устыдился своего «наскока».

Некоторое время он еще забегал к деду – один-два раза в неделю, делая в день по шестьдесят четыре километра в оба конца, а однажды взял билет на автобус – жаль стало времени.

Он помог деду обкопать фундамент часовенки до предусмотренного шестьсот лет назад уровня, так, чтобы влага не подтягивалась к штукатурке, и бережно собрал и сложил во фруктовые ящики каждый кусок отвалившихся фресок, что-

бы с ними могли работать реставраторы. Впервые за много лет он ощутил что-то большее, чем вечный надрыв и желание доказать всем вокруг бог весть что. Словно вернулся к себе.

Однажды он навязал деду Григорию острый спор о вере, но дед оказался не прост.

– Чтобы верить, нужно мужество, – неожиданно тихо произнес монах.

Михаил удивился. С его точки зрения, завсегдатаи храмов, неважно каких, напротив, перекладывают свою ответственность на других. На Бога, например. И это вместо того, чтобы самому справиться с проблемой, как и полагается сильному человеку.

– Чтобы верить, нужно иметь немалое мужество, – повторил священник. – Тебе не кажется, что люди отказываются поверить только потому, что боятся?

– Чего?

– А ты представь себе, Миша, каково человеку злому при-
нять, что все, что он натворил, будет жить с ним вечно...

Михаил поежился.

– Многих вполне устраивает, чтобы потом ничего не было. Они, аки дети малые, укрываются одеялом с головой и кричат: «Меня нет! Меня не видно!» – и боятся даже голову из-под одеяла высунуть. Ведь, если они это признают, прежнюю слабую, трусливую и бессмысленную жизнь будет продолжать невозможно.

Михаил хмыкнул – дед попал в самую точку.

– А иногда люди прячутся за свою гордыню, как черепаха в панцирь, – продолжил дед, – и делают вид, что способны со всем справиться сами.

– Я способен, – не согласился с ним Михаил.

– Причиняем зло другим, а прощаем его себе сами?! – наклонил голову дед. – А тебе не кажется, что это уже осознанное зло? И прощению оно не подлежит, просто потому что в нем не нуждается...

Крыть было нечем.

– Ты, Миша, вот что, – умиротворяюще закончил дед. – Поспешных выводов не делай, а Слово Божие почитай, да еще раз все хорошенько обдумай. Может, что и надумаешь...

Так Михаил взял в руки Новый Завет во второй раз.

Книжка читалась на удивление легко. Ее умершие две тысячи лет назад авторы говорили с ним не так, как говорили бы Бош или Мулла, но все было понятно. Со многим он не соглашался, но главное ухватил.

«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить», – читал он и понимал, что так оно и есть. Те, что убивают душу, страшнее. Видел он одного капитана...

«Они – слепые вожди слепых. Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму», – написал ему кто-то две тысячи лет назад, и Михаил от души смеялся, вспомнив, как облажался их ротный на показушных учениях.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными», –

тут он хмыкал, сегодня полная истина казалась ему такой же недоступной, как приличный банковский счет.

«Все, что ни попросите в молитве с верою, получите», — обещал ему Иисус, и Михаил недоверчиво ухмылялся. Если бы все желания исполнялись так легко...

* * *

Новый, 1995 год он встречал практически один. Старых друзей он без сожаления оставил, а новых так и не приобрел. Да и водка в последнее время как-то не шла, вместо беззаботного веселья он каждый раз почему-то сразу погружался в тяжелые и в конечном счете бесполезные думы.

Михаил посидел немного с матерью и ее лучшей подругой за бутылочкой сухого винца и вышел погулять на улицу. Вокруг рвались петарды, залиvisto хохотали усть-кудьярские девчонки. Они все были моложе его лет на шесть-семь, и порой Михаил даже не мог сообразить, как кого зовут. Но они почему-то помнили его и более чем приветливо здоровались, вызывая законную ревность у своих зеленых ухажеров. Но это ничем не кончалось, на Шатуна здесь никто бы прыгнуть не рискнул.

Он спокойно прошел через поселок, спустился к Студенке и присел на берегу. По льду, балуясь, скользила парочка, тоже совсем молоденькие, наверное, еще школьники.

Тут явно была большая любовь, и Михаил, понимающе

крякнув, уже поднялся и направился в сторону, чтобы найти себе другое место, как услышал короткий вскрик.

Он обернулся. На льду осталась только одна фигура.

«Блин! – ругнулся он. – Что за дела?!»

Течение у Студенки в этом месте довольно сильное, но незамерзающая часть по-любому должна быть метров на тридцать ниже. Он побежал вперед, на ходу срывая куртку и шапку, но не понимал, куда делась девчонка. Он видел, как парень наклонился и, взмахнув руками, с тем же криком осел вниз и исчез. Михаил сорвал с себя и сапоги и подбежал ближе. Так и есть! Лед был проломлен.

Какое-то смутное воспоминание вспыхнуло в голове. Вроде бы лет восемь назад где-то здесь утонул командировочный из Калуги... Михаил упал на лед, стремительно скользнул к самому краю и пошарил в проломе рукой – пусто.

Он набрал в грудь воздуха, ухватился за край льда пальцами, перегнулся через него и нырнул. Голову словно сжало щипцами. Михаил открыл глаза, но темнота была абсолютной. Он знал, что искать нужно быстро, пока тело не утащило течением.

Михаил поплыл вниз по течению и сразу же наткнулся рукой на мех. Схватил. Подтянул к себе. Это был парень, и он отчаянно барахтался. Михаил рванул назад, к пролому. Вынырнул. Схватил воздуха и начал подтаскивать парня к себе, вверх. Тот вынырнул и тяжело задышал.

Михаил схватил его за ворот и вытолкнул на лед по пояс.

– Она здесь?! – спросил он.

– Да! – прохрипел парень.

Михаил снова нырнул и поплыл по течению. Девчонку, скорее всего, уже отнесло метра на четыре... Но ее нигде не было, руки хватали только ледяную воду.

«Здесь немного вправо сносит...» – вспомнилось откуда-то из детства.

Он повернул правее и сразу наткнулся на шубку. Но шубка была пуста.

«Молодец! Скинула!» – натужно похвалил девчонку Михаил и понял, что ему уже неважно – голову сдавило невероятно. Он заставил себя сделать еще шесть гребков и наткнулся на волосы. Схватил и рванул назад. Теперь еще и не хватало воздуха.

Рука была занята, плыть приходилось против течения, и он знал, что будет продвигаться невыносимо медленно. А проплыть надо было метров шесть. Когда, по его расчетам, он их проплыл, сверху был все тот же лед.

«Потерял!»

Он подтянул девчонку к себе поближе – она уже не шевелилась. Пошарил сверху рукой – везде только гладкая и скользкая поверхность льда. Воздуха отчаянно не хватало. Проплыл еще немного и понял: конец! Он не найдет этого маленького пролома.

«Господи! Выручай!» – взмолился он и тут же понял, что придется плыть вниз. Метров через тридцать будет настоя-

щая, огромная промоина – не промахнешься. Но тридцать метров даже по течению он уже проплыть не мог.

Девчонка слабо шевельнулась, и он подтянул ее к груди, ухватил зубами за свитер и, освободив руки, ринулся вниз по течению! Он плыл и плыл, но лед над головой не кончался, а воздуха уже просто не было.

«Господи! – взмолился он. – Дай доплыть!»

И он плыл еще бесконечное количество метров, чувствуя, как сводит спазмами лишенные кислорода легкие, как уже не на воле к жизни – ее давно не было, – а бог знает на чем движется его тело.

Лед кончился в тот самый момент, когда он понял, что уже не живет. Михаил вынырнул, хватанул ртом воздуха пополам с водой и, хрипя и откашливаясь, поплыл к поросшему кустарником берегу. Он выполз на берег полумертвым, сверхусилием воли подтащил девчонку к себе и перегнул через колено головой вниз. Кажется, что-то вылилось, но он этого не видел и не слышал. Начал делать искусственное дыхание, но вскоре понял, что у нее просто не бьется сердце.

Михаил потащил ее вверх по склону, там было немного светлее от недалеких поселковых фонарей. Кинул на снег и остолбенел – это была Катька Звонцова, Иркина сестренка! Он бросился делать ей массаж сердца, но сведенные кисти не слушались и съезжали с хрупкого тела. Раз за разом, шаг за шагом, он делал все заученные на медчасах процедуры, но все было бесполезно.

– Господи! – заорал он. – Ну помоги же! Я не могу так!!!

Он не успел подобрать слов – сердце завелось само. Михаил поднял девчонку на руки и кинулся было в поселок, но вспомнил про пацана.

– Блин! – ругнулся он, рывком перекинул Катьку через плечо и кинулся назад, к промоине.

Мальчишка так и лежал: половина тела на льду, половина в воде. Михаил кинул девчонку в снег и побежал к парню, а метров за пять упал на живот и пополз. Добрался, схватил за ворот и рывком вытащил на лед. Всмотрелся. Было темно, но Михаил понял, что парню совсем хреново.

Он оттащил его за собой поближе к берегу, поднял и попробовал поставить на ноги. Пацан был никакой. И тогда он перекинул его через одно плечо, Катьку через второе и, как был, в носках, побежал в больницу.

До расположенной с краю поселка усть-кудьярской больницы было недалеко, метров шестьсот. Два раза ему встретились веселые компании, но толку от них не было никакого – только время терять, а это было нельзя.

Когда он добежал до приемного покоя, дверь оказалась закрытой, и он вышиб ее ногой. Вторую выбить не успел – открыла встревоженная дежурная.

– Что вы хулиганите! – начала она, но тут же осеклась.

– Завтра почию, – задыхаясь, пообещал Михаил. – Этих откачивайте... Куда их?

– Господи, Вова! – всплеснула руками дежурная, узнав

мальчишку.

Он оттащил ребятишек в кабинет или что там у них, а сам вытер лицо висящим на крючке синим халатом и сел в приемном покое, не замечая, как образуется вокруг него лужа из стекающей воды. Его трясло. И он молился. Он не знал, какие слова будут сейчас правильными, а порой у него даже не было слов, а только одна, направленная Туда, на Самый Верх, мольба: «Пусть она живет!»

Звонцовы были их соседями по бараку еще в конце семидесятых, а с Ирккой, Катькиной сестрой, у него даже был роман. Это уж потом, когда партия объявила курс на полную ликвидацию барачных строений, они с матерью получили от птицефабрики эти полдома, а тогда...

Но дело было даже не в Звонцовых. Просто он знал, что такое «не успеть», с ним это однажды случилось, и он не хотел, чтобы это повторилось еще раз.

Бачуля подорвался на mine за месяц до дембеля. Ему оторвало обе ступни. И в санчасть они тащили его втроем: медик, Кошка и он. И не успели.

Бачулин поселок был здесь рядом, за Волгой, и они вместе мечтали о том, как забурятся на острова с ящиком водки и удочками – на неделю... на две... на месяц!

– Миша! – толкнули его. – Шатун!

Он открыл глаза. Напротив стоял Костя – в очках, белом халате.

– Как они? – спросил Михаил.

– Нормально. А ты, я вижу, не очень... Ну-ка, пошли со мной... Можешь идти?

– Я... ничего... Я домой пойду.

– Что, прямо в носках?! Точно говорят, что ты головкой ушибся! – покачал головой Костя. – Вперед, не возражать!

* * *

Костя сделал-таки ему больничный, хотя поначалу Михаил и возражал. Он чувствовал себя вполне работоспособным. А потом на все махнул рукой и два дня провалялся на диване с «Тремя мушкетерами» в руке. Но книга не шла. Он возвращался и возвращался мыслями в ту ночь и уже не мог делать вид, будто ничего не произошло. Теперь он уже не боялся признать, что это было. Не сам он остановил свою руку с занесенным ломом там, в зоне, не сам он выбрался из-под льда, не сам он завел сердце Катьки Звонцовой. У него было такое чувство, что его долго и кропотливо вели к этому дню. Вели только для того, чтобы он понял – Бог есть!

* * *

По весне Михаил продал меховую куртку и почти новенькую камуфляжку и взял билет на Москву. Его ждала Загорская семинария.

– Ты понимаешь, на что идешь? – сурово спросил его дед Григорий.

– «Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме», – серьезно ответил Михаил.

* * *

Как всегда, в 5.30 утра, приветственно кивнув милиционеру, отец Василий прошел мимо поста ГИБДД, а затем и мимо автостоянки. Несмотря на ранний час, дальнобойщики уже проснулись и громко перешучивались друг с другом. Вылезли из кабин и заспанные, помятые на своей нелегкой работе их «плечевые» подруги.

– Бог в помощь! – поприветствовал тружеников отец Василий.

– Иди-иди, батюшка! – весело отозвалась одна из плечевых. – А то твои старушки, поди, заждались...

– Объяснил бы ты этим оторвам, отец, что нельзя в таком режиме работать! – пошутил невесть откуда взявшийся капитан Белов – начальник поста. – Слышали, девочки? Бог запрещает!

– Господь наш работать не запрещает, – мягко пояснил отец Василий. – Господь нам свою любовь заповедовал.

– Так я у него тогда почти святая! – заржала плечевая и призвала в свидетели шофера. – Чего-чего, а любви во мне хоть отбавляй! Правда, Паша?

– Блуд не есть любовь, – серьезно возразил отец Василий. – Они по природе своей разнятся. Блуд от праха, а любовь от духа.

– Брось, отец, – махнула рукой плечевая. – Двадцать один год на свете живу, а разницы так и не уловила.

Отец Василий понимающе кивнул.

– Так бывает. Для одних эта дорога ведет в храм, – показал он на трассу. – А для других эта же самая дорога – путь прямо в ад.

– Ладно, поп, будет тебе пугать, – устало и зло посмотрела на него плечевая. – В церкви у себя агитировать будешь.

– Ей с таким задом, – ущипнул девушку за ягодицу капитан, – рано еще о душе думать.

Плечевая коротко взвизгнула.

– Что ты пищишь? – засмеялся капитан. – Я ж тебя по любви ущипнул, не по блюду. Скажи ей, батюшка...

– Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с нею в сердце своем, – вздохнул отец Василий и пошел дальше вдоль бесконечного ряда пыльных кабин.

– Бабки гони, капитан! – услышал он за спиной женский смех. – Слышал, что поп сказал? Прелюбодействовал в сердце своем? Значит, плати!

«Прости их, Господи!» – мысленно попросил отец Василий. – Ибо не ведают, что творят...»

– Доброе утро, батюшка! – раздалось от шашлычной.

– Бог в помощь, Анзор! – улыбнулся шашлычнику отец Василий.

– Доброго утречка, отче! – крикнул с другой стороны главный конкурент Анзора – хозяин придорожной кафешки Иван Петрович.

– Храни тебя Господь!

Каждое утро он проходил мимо поста ГИБДД, проституток, водителей, работников нового, уже не советского общепита, терпеливо отмечая мельчайшие изменения в этих бесконечно уставших от нечеловеческих нагрузок и безверия людях.

Водители останавливались в Усть-Кудеяре ненадолго. Ночь – и они снова в пути, но проходила неделя, иногда две, а то и пара месяцев, и отец Василий снова встречал на стоянке знакомые лица и был счастлив, если они расцветали щедрыми, широкими улыбками.

Однажды разгорелся конфликт. На Анзора наехала местная братва – так, сопляки, Мишка Шатун мог их унять одним жестом и даже знал, кто чей брат и кто чей сын. Но для отца Василия этот язык давно стал чужим, и он просто встал в дверях и тихо молился за них, забывших все, во что вот уже тысячу лет веровали их предки. Эта пацанва даже не представляла, от какой мощи отвернулась, и наивно полагала, что сила человеческая в мышце да наглom окрике.

– Чего он здесь стоит? – спросили Анзора пацаны, но шашлычник только пожал плечами, и тогда отец Василий по-

дошел ближе и внимательно, по очереди, заглянул каждому из них в глаза.

– Чего он? – дернулся было самый молодой, но остальные стихли и один за другим начали опускать глаза долу. Ни один не выдержал его взыскующего взгляда.

Отец Василий уже уходил, когда услышал сзади:

– Чего ты заладил: «Чего он да чего он»! Это же Мишка Шатун!

И тогда он вернулся и поправил парня:

– Отцом Василием меня зови. А тебе скажу вот что: вот уж четыре месяца, как матушка твоя преставилась, а ты даже в храм Божий не зашел, не помянул...

Парень дернул кадыком, но крыть было нечем. Все было чистой правдой.

Отец Василий не переставал восхищаться и удивляться силе Слова. Каждый раз он видел, как происходит это простое, но такое неоспоримое чудо. Обычное человеческое слово меняло все. И дело даже не в том, что в тот раз обошлось без мордобоя и ребята договорились с Анзором как-то иначе... Отец Василий чувствовал и другое – люди менялись внутренне. Он видел, как мигом прекращается стремительное падение человека вниз, стоит вовремя сказать ему то, что достигает сердца; иногда хватает буквально двух-трех слов. Лишь бы человек понимал, что его не пытаются ни унижить, ни использовать, лишь бы он осознавал, что отец Василий не пытается его ни завербовать в «стройные ряды праведни-

ков», ни занести в «статбланк покаявшихся грешников»... Лишь бы чувствовал, что все, что говорит священник, говорится Оттуда и только для него. Чаще всего именно так и было.

* * *

Отец Василий подошел к храму Святого Николая-угодника и невольно залюбовался им – так хорошо, так ладно, так прочувствованно он был поставлен. Понимали наши предки, что и зачем делали.

У храма, в котором он служил, была сложная и неоднозначная история. В 1856 году здесь, прямо в стенах Божьего храма, жандарм Силантий Кречетов застрелил известного по всей губернии разбойника по имени Михаил Сума. Там были личные счеты – года за четыре до того Сума надругался над дочерью жандарма. Но после этого богопротивного человекоубийства начались неурядицы. Рукой жандарма точно бес водил.

Дважды храм горел, но каждый раз был восстановлен не без помощи усть-кудьярского купечества, давно и эффективно использовавшего выгодное местоположение своего селения. Именно через Усть-Кудеяр по всей губернии везли камень и железо, и даже сам губернатор Федор Иванович Хренов не раз приезжал сюда лично. Очень почитал сановник покровительствующего путникам и торговцам святого

угодника Николая.

После революции стало хуже. Здание реквизировало новое государство, а вскоре в нижнем храме расположилось усть-кудьярское отделение губчека. И почти сразу случился третий в истории храма пожар. Тогдашние советские газеты об этом умолчали, но в народе говорили, что при пожаре погибли все местные чекисты, кроме двух молоденьких стажеров, еще не успевших обагрить руки кровью невинных. Так ли это было на самом деле, уже не проверишь, но слава за этим местом с тех пор закрепилась недобрая.

В 1934 году опаленные огнем стены храма снесли, а на месте этом устроили торжище, усть-кудьярский колхозный рынок, но все было без толку, торговля ни у кого здесь не шла. То рынок горел; то обрушившимся со степей ветром срывало крыши рядов, то еще какая-нибудь напасть...

А весной 1995 года, когда Михаил Шатунов поехал поступать в семинарию, один из самых удачливых усть-кудьярских «новых купцов» Алексей Смородинов пожертвовал на восстановление храма изрядную сумму. И у храма Божьего началась вторая жизнь. Его отстроили на том же самом фундаменте, один в один к старому проекту.

И во всем чувствовалась Божья рука. Как рассказал в приватной беседе с вернувшимся в родной поселок служить отцом Василием эмчепэшник Алексей, тот знаменитый пожар спас его прадеду жизнь. В огне сгорели все следственные документы, включая и основной – донос. Так что, когда праде-

да подвезли к пылающему зданию губчека, кроме постановления на арест, подписанного погибшим следователем, никаких улик против него, в общем, и не было. И человека отпустили. Божий промысел все связал воедино: и судьбы, и обстоятельства.

Прадед будущего «нового русского» не стал повторно искушать судьбу и уехал из Усть-Кудеяра на долгие восемнадцать лет, чтобы вернуться уже в 1946 году кавалером ордена Отечественной войны. Наверное, только поэтому и стало возможным восстановление храма, пусть и через полстолетия...

– Благословен будь! – перекрестил отец Василий церковного сторожа, всегда встречавшего его у ворот, прошел по широкой, мощенной камнем дорожке к храму и остановился. В свете восходящего июльского солнца купола и кресты полыхали, словно огонь.

* * *

Утренняя служба шла, как обычно. Ближе всего к нему стояла не пропускающая ни одной службы мать воюющего в Чечне солдата, чуть дальше – две старушки, затем – молодой человек с огромными, болезненными глазами, а дальше всех, в полумраке, – неподвижная фигура высокого, крепкого мужчины. За все время службы он ни разу не двинулся с места и даже не перекрестился.

Отец Василий поразился его глазам. Тяжелый и отрешенный одновременно взгляд прихожанина напомнил ему прошлое. Именно такими глазами смотрели на него лет десять назад братья Бутусовы.

Братья убивали дальнобойщиков на трассе, связывавшей Тюменскую область и юг России, и следакам удалось вычислить их не сразу. Не оставляли братишки ненужных свидетелей ни среди чужих, ни среди своих. Легки они были на кровавое дело. Именно поэтому и брали их с величайшей осторожностью в одном из тюменских райцентров, в маленьком неприметном домишке на самой окраине.

Сначала около двух часов готовились: тщательно отслеживая эфир на ведущих «сотовых» частотах, отрезали пути к отступлению и под прикрытием дымящейся свалки определили место снайперу. Затем еще минут сорок старлей и пять ребят из его взвода ползли к домику со стороны глухой стены. А потом старлей скомандовал «Вперед!», и парни взяли бандитов прямо в постелях у баб – чисто и аккуратно.

И поначалу братья смотрели на них так же, как этот прихожанин, тяжелыми и одновременно отрешенными глазами. А потом, когда их голыми, как были, с заведенными назад руками, поставили на колени у стены, младший заплакал. Михаил смотрел на него и понимал, что он плачет не от боли или отчаяния, а от обиды. Впервые за много лет он не мог «равно ответить» своим обидчикам.

Отец Василий завершил службу, принял исповедь у юно-

ши, а когда снова оглядел храм, человека с глазами из прошлого уже не было.

* * *

В девять утра отец Василий сел за руль своих «Жигулей» и поехал в «Теплосети». К зиме храм должен был отапливаться, а пока он был подключен, что называется, по временной схеме. Прошлой осенью денег, чтобы сделать все как предполагается, не хватило.

Обычно отец Василий вел машину внимательно и осторожно. Светофоры в Усть-Кудеяре никогда толком не работали, а так и до греха недалеко, особенно в центре. Но сегодня даже он был исполнен нетерпения. Где-то впереди возникла пробка, и весь ряд телепался еле-еле. Шедший впереди серебристый «Опель» резко подался вправо и выскочил на тротуар.

– Куда тебя несет?! – возмутился отец Василий, но освободившееся впереди место занял.

«Опель» прибавил газу, ушел по тротуару на корпус вперед и резко затормозил. Раздался глухой стук, а уже в следующий миг отец Василий тоже ударил по тормозам – прямо на капот его «Жигулей» медленно валился с тротуара мужчина с залитым кровью лицом. И это был тот самый утренний прихожанин.

Отец Василий дернул за ручник, выскочил наружу и ки-

нулся к упавшему прямо перед его капотом человеку. Подумал приподнять ему голову и понял, что поздно. Прихожанин уже отходил. Он жадно схватил отца Василия за руку, умоляюще на него посмотрел, но сказать ничего не мог. Тепло мужчины мелко затряслось, глаза закатились, а потом он просто замер и отдал Богу душу.

– Ну-ка, отойди, отец! – жестко распорядились сверху.

Отец Василий поднял голову. На него внимательно смотрели суровые, недружелюбные глаза. Мужчин было двое, и вся их биография легко читалась в каждом их жесте.

«Из „Опеля“», – понял отец Василий и увидел, что машина, сбившая мужчину на тротуаре, уже стоит на дороге метрах в шести от места происшествия.

– В сторону, я сказал! – с напором повторил тот, что выглядел постарше.

Отец Василий посторонился, встал, огляделся в поисках хотя бы одного рыцаря ГИБДД и, естественно, никого не обнаружил. Лишь машины в соседнем ряду торопились по своим делам, обходя затор слева.

– Готов! – мрачно сообщил тот, что выглядел помоложе.

– Вижу! – зло откликнулся старший и повернулся к отцу Василию. – Откуда он тебя знает?

– Как же прихожанину меня не знать?

– Ах, вот как?! – зловеще покачал головой старший. – Во время Корявый о душе подумал... И давно он у тебя в прихожанах?!

– Ты бы лучше о своей душе побеспокоился, – с укором посмотрел ему прямо в глаза отец Василий.

«Господи! Спаси и сохрани! – взмолился отец Василий. – И паче всего от гордыни!»

– Иди-иди, – повторил мужчина, потянул еще сильнее, и отец Василий заметил под пиджаком ремни от кобуры.

Священник быстро огляделся, но людей в погонах по-прежнему вокруг не наблюдалось. И тогда он изо всех сил толкнул одного на второго, не дожидаясь, пока они поднимутся с асфальта, кинулся к машине и, вывернув руль, стремительно выехал задом на тротуар.

«Что я делаю? – в ужасе думал он, одновременно с этой мыслью выкруливая на задней скорости в проулок. – Их же задержать надо!» Но страх того, что он не выдержит и позволит прежнему Михаилу Шатунову проснуться, был сильнее всего.

Те, впереди, уже поднялись, и старший судорожно шарил под пиджаком, но именно в тот момент, когда он вытащил пистолет, отец Василий скрылся за углом панельной пятиэтажки.

«Надо Ковалеву позвонить, прямо в УВД! Сейчас же!» – решил он, развернулся и помчался по дворам, огибая детские качели, набитые арбузными корками мусорные контейнеры и побитые многочисленными машинами ограды вокруг вытоптанных газонов.

Он проехал жилой квартал насквозь и едва вознамерился

выбраться на улицу Пушкина, как заметил у Дома быта все тот же серебристый «Опель». Отец Василий с тоской посмотрел на ряд телефонных будок и впервые пожалел, что так и не завел себе сотовый телефон. Если бы он позвонил начальнику Усть-Кудеярского УВД Ковалеву сразу, этими мужиками уже занимался бы ОМОН. Отец Василий подал свои «Жигули» назад, развернулся и повел машину через квартал. Вырулил на улицу Гоголя, глянул на раскуроченный телефон-автомат возле кафе «Волна», вздохнул и направился прямо к УВД. Но уже на следующем перекрестке он снова заметил на соседней полосе знакомый серебристый «Опель». Сомнений не оставалось – его преследуют.

«Что им от меня нужно? – пытался сообразить отец Василий. – От свидетеля, что ли, избавиться хотят?»

До УВД оставалось еще порядком, и отец Василий снова юркнул внутрь очередного квартала, долго кружил по узким проездам, выехал со стороны «Детского мира», миновал книжный магазин, ресторан, закусочную... как вдруг рядом появился джип и начал нахально прижимать его «Жигули» к обочине.

– Ты что делаешь? – возмутился отец Василий, но глянул и обомлел. На пассажирском сиденье джипа сидел один из тех двоих. Его преследовали жестко и планомерно и теперь уже на двух машинах.

В груди у отца Василия жарко полыхнуло, и он, с трудом погасив азарт противостояния, снова нырнул в подвер-

нувшийся проулок и теперь уже газовал вовсю. Разбираться с этими бандитами лично он не хотел. Он проскочил мимо железных гаражей, проехал под мостком через Семенов овраг, объехал маленький микрорайон престижных коттеджей и только вывел свои «Жигули» на трассу у ресторана «Малибу», как увидел у коммерческого ларька через дорогу все тот же знакомый «Опель». Скрыться в маленьком Усть-Кудеяре было сложно.

«Господи! – вздохнул он. – Да что же им от меня надо?!»

Определенно они запомнили его «Жигули», но бросать машину было бессмысленно, ведь в своей рясе он не мог пройти незамеченным и трех шагов.

Сбоку раздался резкий сигнал, и отец Василий обернулся на звук. Молодой бритоголовый человек за рулем выезжающего со стоянки шикарного нового «Мерседеса» делал ему знаки рукой: мол, проваливай отсюда, всю дорогу загородил. Отец Василий потихоньку сдал назад и задумался.

Ситуация была не ахти. Чтобы добраться до телефона в ресторане, понадобится около минуты, а он на площадке перед рестораном будет как на ладони. Потом сам звонок... еще минута, да пока Ковалев кого-нибудь пришлет, если он, конечно, на месте. В дежурную часть звонить бесполезно: пока приедут, что-нибудь уже произойдет, – это отец Василий понимал.

Он обратил внимание на то, что «Мерседес» так и не выехал со стоянки, опустил боковое стекло своей машины еще

ниже и обратился к бритоголовому водителю:

– Молодой человек, у вас телефон под рукой найдется?

– У меня – да, – усмехнулся парень. – А у тебя?

– У меня – нет, – развел ладонями над рулем отец Василий.

– Просеки разницу, папаша! – резко рассмеялся парень.

– Позвольте мне позвонить, – попросил отец Василий. –

Я с удовольствием оплачу этот звонок.

– Девочку бери и звони, куда хочешь, – усмехнулся парень.

Отец Василий взгляделся и обнаружил, что на заднем сиденье «Мерседеса» уютно развалились две проститутки, профессия девушек была написана на их лицах.

– Ты чего, Колян, – засмеялась одна из них. – Это же здешний батюшка!

– Да? – сутенер взгляделся, увидел в полумраке салона «Жигулей» рясу и озадаченно почесал подбородок. Ерничать по этому поводу ему не хотелось. – Ну извините... – Он повернулся к девушке: – А ты откуда знаешь?

– Я ведь не все время в Тарасове жила, – печально сказала путана. – И школу в Усть-Кудеяре кончала...

«Значит, из областного центра девочки», – подумал отец Василий и посмотрел в сторону коммерческого ларька. «Опеля» отсюда видно не было, его совершенно загораживала машина с проститутками.

«Оп-па! Так ему меня тоже не видно!» – осенило его.

– Послушайте, молодой человек, – обратился он к сутенеру. – Не могли бы вы подбросить меня... в центр? – упоминать в разговоре с ним аббревиатуру «УВД» не хотелось. – Я хорошо заплачу.

– У тебя ж... ну, у вас... самого тачка есть... – удивился тот.

– И у священников случаются мирские проблемы, – извилисто пояснил ситуацию отец Василий и, пока бритоголовый осмысливал сказанное, добавил: – Я хорошо заплачу.

– Да на что мне твои бабки! – отмахнулся парень.

– Коль, давай подкинем батюшку, – попросила одна из девушек. – А я заодно свои фирменные резинки в номере возьму.

– А ты что, снова их забыла?! – раздраженно спросил сутенер и после секундной заминки махнул отцу Василию рукой: – Ладно, садитесь!

Отец Василий заглушил двигатель, тщательно поднял стекла, вышел, закрыл машину и, подгибая колени, перебрался на пассажирское кресло рядом с водителем «Мерседеса».

– Куда? – озабоченно спросил сутенер.

– Давай сразу в гостиницу, Коля, – ответила за отца Василия девушка. – Вам ведь к площади, батюшка?

– Можно и к площади, – согласился он, развернулся и взгляделся внимательнее. – А я ведь и точно вас в Усть-Кудеяре не видел. Как же вам работать здесь разрешили?

В салоне тронувшегося «Мерседеса» воцарилось неловкое молчание. Он явно сунулся в не свое дело.

– Просто я знаю, что Парфен здесь чужим работать не разрешает, – пояснил отец Василий, назвав имя главного усть-кудейрского бандита.

– А-а, вы про это! – с облегчением засмеялся сутенер. – Все схвачено, батюшка. На время симпозиума с Парфеном договорились.

– Это какой такой симпозиум? – удивился отец Василий. – Неужто по проблемам социально-экономического развития Поволжья?

– Точно! – обрадовался чему-то сутенер. – А вы откуда знаете?

– Слежу за событиями, – усмехнулся отец Василий. – Вот только в толк не возьму, какой вам смысл из областного центра сюда ехать. Расценки-то здесь раза в два ниже... Я не ошибся?

– Так на симпозиуме половина мужиков из Москвы будет! – весело пояснила из-за его спины девушка. – Они-то к столичным ценам привыкли. Так что нормально заработаем!

– Все понял, – кивнул отец Василий. – Вас на подкрепление прислали! Верно?

– Верно, батюшка! – облегченно засмеялись проститутки. Кажется, только теперь они до конца поверили, что поп никаких нотаций читать им не собирается.

Отец Василий и впрямь не хотел читать никому нотаций.

Если кого и следовало призвать к порядку, так это самих участников симпозиума, всю эту свиту, которая приедет из Москвы вслед за главной персоной действия, министром Козелковым.

Отец Василий видел таких, и не раз. Все они будут изображать из себя крутых и остро нуждающихся в свежем «мясе», даже невзирая на возраст... хотя на деле проститутки в номер часто были просто данью новомодной традиции, заведенной очередной волной политической элиты.

– Может, и самого Козелкова придется обслуживать, – задумчиво проронил он.

– Вряд ли, – замотал головой бритоголовый сутенер. – Местные обычно ему спецзаказ делают. Слыхала про такое, Верка? – спросил он через плечо.

– Слыхала, – подтвердила Верка. – Наши девчонки говорят, он только с малолетками может. Нормальные бабы ему не катят.

Отец Василий вздохнул. Он не любил доверять слухам, но в случае с министром Козелковым было иначе. Его мафиозные связи и полубандитские привычки давно были на слуху, игнорировать их просто не получалось.

– Что вздыхаете, батюшка? – с усмешкой поинтересовалась Верка. – Я вон видела по телику, ваши архимандриты с этой братвой чуть ли не целуются. И ничего, бог прощает...

– Каждому будет по делам его, – тихо сказал отец Василий.

– Что-то не верится, – спокойно возразил сутенер.

Отец Василий пожал плечами – верить не заставишь.

– Ну вот, батюшка, мы и приехали, – сказала сзади проститутка с таким неподходящим для своей профессии именем Вера. – Но здесь можно только у гостиницы встать.

– Да, я уже знаю, – дружелюбно откликнулся отец Василий.

Проститутка вышла из машины вместе с ним и направилась напрямик в гостиницу «Волга» – видимо, за «резинками».

– Здесь живете? – поинтересовался он.

– Да, – охотно откликнулась она и засмеялась. – Заходите, если что, я в триста восьмом.

– Спасибо за приглашение, – улыбнулся отец Василий. – Но, боюсь, мои прихожане это неправильно поймут. А вот ты в храм Божий наведайся.

– А-а! – махнув рукой, рассмеялась Вера. – Мои «прихожане» тоже неправильно это поймут. Не с моей работой по церквям ходить. Вот состарюсь, тогда...

Отец Василий развел руками и заторопился в районное УВД.

* * *

Ковалева на месте не оказалось, он готовился к приему членов делегации, и священника отвели к его заместителю.

– Проходите, батюшка, – приветливо пригласил молодой,

но уже почти лысый замначальника усть-кудьярской милиции. — Что вас к нам привело?

Отец Василий быстро и обстоятельно изложил суть происшедшего, и заместитель сразу насторожился. Он аккуратно записал продиктованные отцом Василием номера автомашин, сразу же передал их кому-то по телефону, предложил священнику изложить все происшедшее с ним письменно и, дождавшись, когда он поставит подпись, забрал заявление и начал прощаться.

— Вы уж извините, батюшка, у нас работа, — неловко улыбаясь, пояснил он. — Вас в храм отвезти?

— Буду признателен, — смиренно ответил отец Василий.

* * *

Милицейский «УАЗ» за четверть часа бодро допрыгал по усть-кудьярскому бездорожью до храма Николая-угодника и остановился у самых ворот.

— Спасибо тебе, — кивнул отец Василий шоферу и вышел из машины.

О запланированном визите в «Теплосети» теперь нечего было и думать, поскольку график был сорван и на очереди у священника было крещение младенцев. Следовало поторопиться: две мамы со своими чадами уже сидели на лавочке в беседке, прячась от изнуряющей июльской жары.

Отец Василий быстро прошел к фонтанчику, сполоснул

руки, лицо и только собрался спуститься в нижний храм, как почувствовал, что за ним наблюдают. Внутри у него все по-добралось. Он скользнул глазами по церковному двору, но никого не увидел.

«Спаси и сохрани слабого раба Твоего», – мысленно попросил он и направился ко входу в нижний храм. Он успел спуститься буквально на пару ступенек, как почуял сзади движение воздуха и пригнулся. Что-то просвистело над головой, и отец Василий стремительно скользнул вниз, к двери, распахнул ее и только здесь обернулся. На него смотрел один из тех двоих, что устроили за ним погоню. В руках преследователь держал короткий, завернутый в газету предмет.

– Что вам надо? – спросил священник.

– Тише, попик, не бузи, – мрачно посоветовал ему кто-то сзади и горячо дыхнул в затылок.

Отец Василий ощутил, как моментально к его лицу и рукам прилила кровь, и попробовал повернуться, но ощутил, как в почки ему уперся ствол.

«Они меня в нижнем храме ждали», – понял он.

– Вперед, – тихо скомандовал человек, и отец Василий, оценив расклад сил, решил подчиниться.

– Что-то вы не то затеяли, – пробурчал он, потихоньку поднимаясь по ступенькам и оценивая свои шансы на бегство. Повторять историю столетней давности и проливать в этом храме людскую кровь он не хотел ни по злобе, ни по глупости.

– Молчи и иди, – посоветовал тот, что шел сзади.

– Батюшка, мы пришли, – подошла к ним молодуха с младенцем.

– В беседке меня ждите, – жестко отрезал отец Василий. «Быстро отсюда, дурочка! Быстро!» – уже мысленно добавил он. Каковы бы ни были намерения этих людей, методы у них были самые гнусные – такие ни перед чем не остановятся.

Он направился было к центральным воротам, но его тут же схватили сзади за рукав и направили к выезду позади храма.

– Попробуешь пикнуть, получишь пулю, – тихо пригрозил человек, шедший сзади. – И копытами шустрее перебирай, не задерживай движение.

Они завернули за угол храма. Здесь можно было и попытаться...

– Вы меня с кем-то перепутали! – приостановился отец Василий.

Перед его глазами полыхнуло синее пламя, а затылок пронзила острая боль.

* * *

– Я же тебе говорил, что он стукач! Я сразу понял!

– Заткнись.

Машину тряхнуло.

– А что, не так разве?

– Я тебе сказал – за-ткнись.

Отец Василий попытался повернуть голову, и мышцы шеи отозвались острой болью. «Разрядник... – понял он. – Они меня разрядником... Вот что было у него в руках...»

Он приоткрыл один глаз, прямо перед ним маячила широкая спинка автомобильного кресла. Полулежать на сиденье было неудобно. Он скосил взгляд. Крыша довольно высокая, кажется, это джип... Рядом сидел здоровенный бугай.

Машину снова тряхнуло, и кресло несильно завибрировало.

«Грунтовка, – определил отец Василий. – Мы за городом. Съехали с трассы...»

– Как он там, не очухался еще? – спросил кто-то неприятным скрипучим голосом.

«Он здесь главный, – по интонации определил отец Василий. – И это не бандюга; говорит чисто...»

– Вроде нет, – откликнулся бугай.

– Проверь, – жестко потребовал голос.

Бугай наклонился над ним идохнул в лицо какой-то кислятиной.

– В отключке.

Отец Василий сосредоточился, но кистей заведенных назад рук не почувствовал; видимо, затекли. «Наручники, – тоскливо подумал он. – Наверняка надели наручники...» Он обдумал ситуацию, но вывод был один – все произошло из-за утреннего прихожанина. «Бандиты до сих пор думают, что

Корявый, так они его, кажется, назвали, связан со мной... И как мне их разубедить?»

Минут пять они ехали в полной тишине, и тогда отец Василий решил, что пора глянуть, куда его везут. Он глубоко вздохнул и со стоном приподнялся как можно выше. За тонированными стеклами автомашины простирались однообразные кукурузные поля – ни дорог, ни перелесков.

«Разуваевка!» – догадался он. Только в Разуваевке этой весной вопреки прогнозам на урожай решили сеять кукурузу.

– Ле-жа-ать! – рывкнул бугай и ткнул отца Василия в скулу.

Зубы хрустнули, и отец Василий снова повалился головой на сиденье.

– Что случилось?! – нервно поинтересовался он. – Куда меня везут?!

– Приедем – узнаешь, а пока заткнись, – мрачно посоветовал скрипучий голос с переднего сиденья.

– Да кто вы такие?! – возмутился отец Василий.

– Заткни ему пасть, – распорядился голос, и бугай, крикнув, захрустел скотчем и наклеил на усы и бороду отца Василия широкую, противно пахнущую клеем ленту.

И только минут через пятнадцать машина затормозила, и бугай вышел, а спустя несколько секунд открыл вторую дверцу и выволок священника наружу.

Прямо перед машиной возвышалось кубическое строение

из силикатного кирпича – то ли трансформаторная будка, то ли сторожка. Отца Василия схватили за ворот и потащили к ржавой железной двери.

«Господи, помоги мне смирить гордыню! – отчаянно молился отец Василий. – Не дай мне потерять то, что я так долго искал!»

– Сюда этого козла тащи! – подсуетился мелкий, нервный мужичок. Кажется, именно он сидел за рулем.

Отца Василия заволокли внутрь, подвели к стене, приподняли и сноровисто подвесили за наручники на торчащий из стены крюк. В таком положении его ступни едва касались земли, а вывернутые плечи тяжело заныли. За стеной послышался гул двигателя, и вскоре все небольшое пространство будки было занято людьми. Теперь их было шестеро.

«Опель» тоже подъехал», – догадался священник.

– Ну что, мужик, начнем, – скомандовал отцу Василию своим скрипучим неприятным голосом старший.

– Что вам надо?

– На кого работаешь, падла?

– Неподходящий у тебя тон, дитя мое, – посмотрел в глаза старшему отец Василий. – Разве я тебе что-нибудь должен?

– Ты под дурачка-то не коси, – посоветовал старший. – Тебе же хуже будет. А когда спрашивают, отвечай. Последний раз повторяю: на кого работаешь?

– На Русскую православную церковь, – кратко ответил отец Василий.

– Не-е, ты не понимаешь, – покачал головой старший и кивнул бугаю.

Тот подошел и несильно ударил священника в грудь. Удар не был мастерским, но рука у бугая оказалась тяжелой. Отец Василий закашлялся, в глазах потемнело.

– Я слушаю, – старший сел на услужливо подвинутый кем-то из свиты ящик.

– Что тебе от меня нужно? – прохрипел отец Василий.

– Правда, – коротко ответил старший. – Что тебе сказал Корявый? Когда он вышел с тобой на связь? У кого ты был в УВД?

«Он и это знает», – подумал отец Василий.

– В УВД я был у заместителя, – честно признал он. – Рассказал о сегодняшнем ДТП. А вашего Корявого сегодня в первый раз увидел.

– Верю, что в первый раз, – кивнул старший. – А работаешь на кого?

– А на кого надо? – съязвил отец Василий, не утерпев.

– Так, Пекарь, – повернулся старший к бугаю. – Начинай. Некогда мне с ним приятные разговоры вести.

Бугай подошел к отцу Василию, неторопливо вспорол рясу на его груди и рывком содрал ее вниз.

– Ну-ка, ну-ка... – старший поднялся, подошел ближе и с интересом пригляделся к шрамам, покрывающим грудь и живот отца Василия. – А ты, попик, с биографией! Где это тебя так – в духовной семинарии? А-а?! Не слышу, сука мен-

товская!

– Нет, не в семинарии, – покачал головой отец Василий. – В Афгане.

Старший машинально проглотил слюну и отвернулся в сторону.

– Врешь поди, – обронил он. – Где служил?

– В Карохе.

– Когда призвали?

– В восемьдесят пятом.

Старший снова повернулся к отцу Василию, его глаза пылали ненавистью.

– Что ты свистишь, падла?! Кому лапшу повесить хочешь?! В Карохе до восемьдесят восьмого тихо было!

Но слышалась в этой его ненависти какая-то фальшь, показушность.

– Я на сверхсрочную остался, – пояснил отец Василий.

– Значит, особистами проверенный, – усмехнулся старший.

– Думаю, да.

– Он думает, – усмехнулся старший. – С тех пор и работаешь на них?

– На кого?

– Это ты мне скажи, на кого! На шестой отдел! Или, может быть, сразу на ФСБ?

– Я служу только Господу нашему, – тихо возразил отец Василий. – Больше никому.

– Ладно, сейчас проверим, – старший поджал губы и повернулся к бугаю. – Давай, Пекарь, начинай!

Бугай неторопливо поднял стоящий в углу неприметный «дипломат», открыл его и продемонстрировал священнику набор блестящих инструментов, похоже, медицинского назначения.

«Вот это я попал!» – запоздало ужаснулся отец Василий и уже открыто попытался освободиться от крюка, на который был подвешен, но безрезультатно. Он еще раз внимательно оглядел всех, кто его окружал, но в глазах бандитов светилось одно лишь недоброжелательное любопытство. И только один смотрел в сторону.

Бугай воткнул отцу Василию между ребер блестящий скальпель и попытался его провернуть. Не вышло. И сразу стало ясно, что он в этом деле новичок.

«Господи, благодарю!» – возликовал отец Василий. С таким палачом, как этот Пекарь, он мог продержаться долго... очень долго.

– Мне незачем лгать, – сказал отец Василий старшему, не обращая внимания на острую боль.

– Да ну? – не поверил старший.

– Мне запрещено лгать! – уже настойчивее сказал отец Василий.

– Кем?

– Отец Небесный заповедал... Не убивай, не прелюбодействуй, не кради и не лжесвидетельствуй!

– Да ну? – снова не поверил старший.

– Не веришь?

– Нет, – холодно сказал старший. – Знаешь, сколько я таких видел? А ковырнешь поглубже – все лапша!

Бугай воткнул отцу Василию в грудь что-то еще, но рука соскользнула с гладкой блестящей поверхности инструмента. Он зашипел от боли и быстро сунул поврежденный палец в рот. Отец Василий поморщился – ему было больно. Действительно больно.

– Зачем я буду служить ментам, если выбрал Бога? – спросил он старшего.

– Мне это неизвестно, – усмехнулся тот. – Может, тебе власти недостает или ты по жизни стукач.

Бугай вытащил кровоточащий палец изо рта, поджал его к ладони и снова принялся чем-то ковырять. Послышался треск, и все тело отца Василия снова пронзила острая боль, а кровь обильно потекла по животу вниз, к ногам.

– Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? – еле удерживаясь от стога, гнул свое священник.

– Меня интересует одно: что тебе сказал Корявый? – устало вздохнул старший.

– Он ничего не сказал.

– Тогда зачем он к тебе в церковь приходил?

– А ты не знаешь, зачем в храм Божий приходят? – спросил отец Василий.

– Продолжай, Пекарь, – махнул рукой старший, присел на ящик и опустил глаза вниз.

Лицо Пекаря уже покрылось каплями пота. Он даже высунул от напряжения язык, но по всему было видно, что не умеет он с деликатными орудиями обращаться, ему бы кулаками помахать. Из его рта воняло чем-то пронзительно-кислым! Отец Василий отодвигался, сколько позволяло положение тела, а потом не выдержал и коротко и резко двинул бугая лбом в нос. Пекарь взвизгнул, взмахнул руками и повалился на спину, прямо к ногам своего шефа.

– Гнида! – по-детски изумленно и обиженно возмущился он. – Ты мне нос сломал!

– В следующий раз будешь зубы чистить, – через силу усмехнулся отец Василий – боль в ребрах была невероятная.

Старший досадливо пнул бугая ногой, поднялся и подошел к священнику.

– Вот что, святой отец... – начал он.

– Зови меня отец Василий, – поправил его священник.

– Чем дольше я на тебя смотрю, тем лучше вижу, – не обращая внимания на поправку, продолжил старший. – Ты – не простой поп. Вы и так все стукачи, но ты – стукач особый!

– Я истину говорю, а ты не веришь, – покачал головой священник.

– Проверять мне тебя некогда, – словно и не услышал его старший. – Или ты прямо сейчас рассказываешь мне все про Корявого, или ты прямо сейчас умрешь. Выбирай.

Отец Василий снова оглядел всех, кто сидел и стоял вдоль стен подстанции, одного за другим, но ни сочувствия, ни сожаления не увидел. Правда, с их лиц уже сползла маска зло-радного любопытства, но и только. Его судьба их ни в малей-шей мере не интересовала.

– Грех на тебе, – покачал головой отец Василий. – Вели-кий грех. В аду ведь гореть будешь!

– Не пугай, – устало сказал старший. – Лучше о себе по-думай.

Отец Василий склонил голову на грудь. По груди и живо-ту так и текла тонкими полосками застывающая по краям «ручейков» кровь.

– Ну что, решил? – поинтересовался старший.

– Я приму от Господа моего все, что ни положит, – тихо сказал священник. – Решит, что кончился мой земной срок, значит, так тому и быть.

– Дурак, – усмехнулся старший. – Не Бог тебя убивать бу-дет, а я. Ты что, не понял?

– Это ты не понял, – тихо возразил священник. – Ты и волоса на моей голове сделать седым не сможешь – нет у тебя такой власти.

– Пекарь! – зло дернул головой старший. – Кончай его. Бугай подошел, утирая кровь с верхней губы кулаком.

– Прямо здесь?

– А то где?

– Ла-адно, – протянул бугай и вытащил из-за пазухи пи-

столет.

– Или нет! – остановил его старший и повернулся спиной к отцу Василию. – Мамай! – ткнул он пальцем в одного из стоявших у стены.

– Я?! – испуганно отреагировал тот.

Отец Василий взгляделся в своего будущего палача. Это был тот самый парень, что отводил от него глаза. И он определенно боялся. «Слабое звено»... Это было хорошо.

Давно, еще в миру, он встречал похожую ситуацию. Трое хотели взять сберкассу, но не уложились по времени, и ОМОН обложил их со всех сторон.

Ситуация была патовая. С одной стороны, сберкасса находилась на первом этаже жилого дома, что омовцам совершенно не нравилось. С другой, уже гулявшие с полгода на воле грабители не имели никакого желания возвращаться в зону. И тогда два отморозка решили повязать кровью своего молодого напарника, а уж затем с боем прорываться. Но вышло иначе.

Потом выяснилось, что, когда они только шли на дело, молодому обещали, что никакой мокрухи не будет. Только поэтому тот и подписался. Но теперь все повернулось другой стороной, и отчаявшийся парень, вместо того, чтобы замочить охранника и кассиршу, расстрелял своих подельников и сдался.

Конечно, такая удача случается редко, но все в руках Божьих... Какой-то шанс теперь появился.

– Не делай этого, – попросил отец Василий Мамаю. – Пожалуйста, не делай!

Старший с интересом на него посмотрел.

– Кажется, дело пошло! – довольно усмехнулся он. – А ты, попик, не такой крутой, как строил из себя!

– Я – не крутой, – признал отец Василий. – Я хочу жить...

– Так что же ты, падла, не колешься?! – заорал старший. – Что же ты, сучара ментовская, битый час целку из себя корчишь?!

«Нет, это не бандит! – еще больше уверился отец Василий. – Покруче будет! Как бы не из бывших наших...»

– Снимите меня, пожалуйста, – смиренно попросил он. – Рук совсем не чувю...

– Давно бы так, – хмыкнул старший и скомандовал. – Сними его, Пекарь!

Бугай подошел, стараясь не испачкаться в крови, оторвал тело отца Василия от пола и снова опустил. Омертвевшие кисти безжизненно ударили отца Василия по пояснице.

– Спаси тебя Бог, – искренне пожелал бандиту отец Василий.

– Так что тебе сказал Корявый? – продолжил допрос старший.

– Плохо мне, – пожаловался отец Василий. – На воздух бы...

Старший вдруг развеселился.

– Если кричать надумаешь, вспомни, что вокруг на трид-

цать километров никого нет, — засмеялся он. — А смерть твоя совсем рядом стоит... Мамай! — резко скомандовал он. — Открой дверь, пусть подышит! Да сам снаружи встань.

Мамай толкнул железную дверь, и внутрь кирпичной коробки мощно пахнуло пряным духом зреющей кукурузы.

Отец Василий, качаясь, подошел к выходу и облокотился на косяк. Это действительно была трансформаторная будка, через поля тянулась долгая череда опор ЛЭП, еще без проводов. Наверное, не достроили.

Отец Василий смотрел на эту красоту и думал. Умирать не хотелось. Наверное, он мог что-нибудь придумать, чтобы выкрутиться, но врать тоже не хотелось. Настолько не хотелось, что ему казалось, будто проще умереть. Михаил Шатунов никогда бы не позволил себе попасть в такую ситуацию, он обязательно что-нибудь придумал бы. Сбил бы плечом этого щуплого Мамай и ломанулся в заросли молодой, по пояс, кукурузы. Священник быстро оглядел железную дверь, попытался вспомнить, каким был раньше, еще в миру, но понял, что пропасть, которая отделяет прежнего Михаила Шатунова от сегодняшнего отца Василия, слишком велика, практически непреодолима.

— Ну что, поп, надумал? — поинтересовался из-за спины старший.

— Врать не хочется, — тихо произнес отец Василий.

— Тогда скажи правду.

— А правда вам не нужна.

Отец Василий развернулся и посмотрел на молча стоящих вдоль стен людей. Это было странно, но до сих пор ни один из них практически не произнес ни слова. Дисциплина, установленная старшим, была весьма жесткой. Не бандитский подход, скорее армейский.

– Я – не мальчик, – сказал отец Василий, всматриваясь в суровые лица людей. – На вашу добродетель не рассчитываю. Все равно ведь убьете. Не в ваших правилах лишних свидетелей оставлять. Я не ошибся? – оглянулся он на Мамаю.

Стоящий снаружи Мамай облизнул губы и скосил глаза в сторону, и это был еще один шанс.

– Все. Хватит, – старший подошел к отцу Василию и ткнул его кулаком в грудь.

Тычок был профессионально резким и болезненным.

– Ты меня достал, поп.

– Ты меня тоже, – честно признался отец Василий.

Он нанес ему только два удара. Лбом в лицо и сразу же – ногой в живот. Старший хватанул воздух ртом и отлетел в руки остолбеневших подручных. И тогда отец Василий сделал шаг назад, зацепил ступней рыжую от ржавчины дверь, со скрежетом закрыл ее, привалился плечом и в один прием закрыл задвижку локтем.

– Ну что? – повернулся он к Мамаю. – Сможешь меня убить?

Он мог ломануться в кукурузу, но сделать это – означало проиграть. Потому что, даже если Мамай и не сможет его

убить сам, он просто откроет дверь, выпустит остальных, и тогда его загонят в этой кукурузе, как зайца.

– Ну что? – повторил он. – Сможешь?

Единственный оставшийся снаружи бандит остолбенел. Он с ужасом смотрел в глаза священнику и не знал, что делать. Все изменилось слишком быстро. Отец Василий безотрывно смотрел ему в глаза и прекрасно понимал, что происходит. Старший остался внутри, за дверью, и теперь вся ответственность лежала на этом молодом пацане.

– Мамай!!! – страшно заорал изнутри старший.

– Мамай!!! – хором вторили ему остальные.

– Они и тебя в живых не оставят! – наудачу выдохнул отец Василий. Он не знал точно всех бандитских планов, но что-то сказать было необходимо.

– Мамай!!! – орали за дверью. – Замоchi его!

Дверь гроыхнула, и отец Василий посторонился и прижался к стене. Раздались выстрелы: один, другой, третий – стреляли в дверь. Пули свободно пробивали тонкий листовый металл, и ржавчина повисала в воздухе густыми рыжими облачками.

Мамай вытарашил глаза, кинулся в сторону и тоже прижался к стене. Попасть под шальную пулю он не хотел.

– Мамай!!! Сука!!! – орали изнутри. – Открой, падла! – и продолжали стрелять в дверь.

«Их совсем заклинило!» – усмехнулся отец Василий, продолжая безотрывно смотреть в глаза Мамае. Тот совершен-

но растерялся.

– Убьешь меня? – спросил отец Василий и пошевелил пальцами заведенных за спину рук – он их уже чувствовал.

Парень затравленно смотрел на голого по пояс, окровавленного, со всклокоченной бородой священника и молчал.

– Правильно, – кивнул головой отец Василий. – Лучше не надо. Ваше дело безнадежное.

Глаза парня заматались из стороны в сторону. Он не знал, что известно этому попу. Он не знал, что известно об их делементам. Он слишком многого не знал.

В будке орали его поделщики, но до тех пор, пока они стреляли в дверь, он не решался ее открыть, а там, внутри, этого еще не понимали. В отличие от них отец Василий соображал намного быстрее и уже видел, что Мамаю надо подчинить себе, и подчинить немедленно.

– Уходим! – жестко распорядился он и увидел в глазах парня отчаяние. – На счет «три» бежим к машине! – еще жестче потребовал он.

Мамай раскрыл рот, да так и застыл.

– Р-раз!

Мамай проглотил слюну.

– Два-а!

Парень задумался.

– Три!!! – заорал отец Василий, метнулся к парню и мощно толкнул его плечом.

Такие вещи действовали всегда. Отец Василий помнил,

как эффективно действует грубая физическая сила, когда человек не может принять решение сам. Именно поэтому, а не по какой-то иной причине инструкторы-парашютисты и вышибали курсантов из самолета пинком под зад, если те не могли преодолеть страх.

Мамай упал и растянулся на земле.

– Вперед!!! – страшным голосом заорал отец Василий. – Не застревать!

Парень вскочил и побежал в поле, совершенно очумевший от крика отца Василия и собственного страха.

– Куда тебя понесло?! – еще страшнее заорал отец Василий. – В машину! Быстро, я сказал! Быстрее!!! Еще быстрее!!! – Он понимал, что главное – не давать мальчишке опомниться.

У джипа парень споткнулся и кубарем покатился по мягкой кукурузе.

– Сидел?! – навис над ним окровавленным торсом отец Василий.

– Н-нет...

– Мокруха на тебе есть?!

– Н-нет...

– Тогда отмазать можно! – подытожил допрос отец Василий. – В машину! За руль сядешь.

Парень торопливо поднялся и запрыгнул в открытую дверцу джипа. Отец Василий ввалился следом.

Мамай повернул беспечно оставленный в замке ключ за-

жигания, и джип бодро рванул с места. Они помчались по грунтовой дороге вдоль кукурузного поля, а отец Василий судорожно пытался осмыслить ситуацию.

«Сначала заеду в храм... нет! Сначала в УВД, лично к Павлу Александровичу Ковалеву, никаких заместителей! Или в храм?... В таком виде? – он оглядел свой окровавленный живот. – Нет, сначала домой, умыться и переодеться... Или лучше в милицию?! Хоть эти долбанные наручники снимут!»

– Пассатижи здесь есть? – спросил он у Мамай.

– А?! Что?!

Парень казался невменяемым.

– Пассатижи, спрашиваю, есть?!

– Не знаю! – замотал головой Мамай.

– Открой бардачок!

– Что?!

– Бардачок, говорю, открой!

Мамай открыл бардачок и вывалил все, что там было. Под ноги отцу Василию полетели колода карт, финка в кожаном чехле, несколько упаковок презервативов, еще одна колода карт, очки, несколько помятых мелких купюр, еще презервативы, техпаспорт, пачка товарных накладных... и никакого инструмента.

Только через четверть часа, когда они выскочили на ведущую к Усть-Кудеяру трассу, отец Василий потребовал-таки остановить машину. До парня долго доходило, но потом все-

таким дошло, и он прижал машину к обочине.

— Пошли, багажник откроешь, — деловито распорядился отец Василий.

Они быстро вышли. Открыв заднюю дверцу и подняв покрывающую багажник крышку, Мамай принялся ковыряться в хламе. Чего здесь только не было! Покрытый бурыми пятнами, гнусно воняющий тухлятиной мешок, моток капроновой веревки, две монтировки... и только в самом углу валялось то, что нужно, — здоровенные кусачки.

— Перекусывай! — решительно повернулся к Мамаю спиной отец Василий.

Мамай начал возиться, но крепкая цепочка только сминалась, а перекусываться не желала.

— Мне в ментовке скидка будет? — дрогнувшим голосом спросил парень.

— Почему я знаю? — раздраженно отозвался отец Василий. — Ты кусай, не отвлекайся!

— Она не кусается! — с отчаянием пожаловался Мамай. — А как же вы? Разве вы за меня словечко не скажете?

Отец Василий поежился. Бог знает, за кого принимал его парень, но что не за простого священника — это точно.

Мимо проносились машины одна за другой. Водители все как один притормаживали возле джипа, пытаясь понять, чем это занимаются полуголый бородатый мужик и молодой тощий парень. И так же, все как один, панически прибавляли ходу, едва замечали кровавые пятна на торсе и наручники на

запастях священника.

– Есть! – радостно выдохнул Мамай, и отец Василий с облегчением оглядел свои кисти. Глубокие, до мяса, ссадины его не встревожили, но синюшность пальцев вызвала досаду. Он еще раз пошевелил пальцами. Они слушались его, но не в полной мере. Немного мешали браслеты, но главное – руки были свободны.

– Слушай меня, парень, – посмотрел он на Мамая. – Я хочу, чтобы ты знал: я – не агент УВД или ФСБ. Я – нормальный поселковый священник.

Мамай слушал, но вся его физиономия выражала глубокое недоверие.

– Но это не значит, что ничего не было, – продолжил отец Василий. – Мы сейчас едем в УВД и даем там исчерпывающие показания. Тебе все понятно?

– А как же?... – парень не знал, что и сказать. – Вы же обещали, что меня... ну... это... не посадят.

– Я тебе это обещал? – вопросительно наклонил голову отец Василий.

– Ну-у... вы... это... – до парня только сейчас начало доходить, как он вляпался. Ментовской агент оказался обычным лохом! Нет, еще хуже – попом! Он побледнел, затем кровь бросилась ему в лицо, отчего кожа приобрела странный синеватый оттенок.

– Гни-ида! – прошипел он. – Сука позорная!

– Перестань, – умиротворяюще начал отец Василий. – Не

кипятись.

– Сука! – заплакал Мамай и начал размеренно биться лбом о металлическую стойку джипа. – Козлина! Подставил меня, гад ползучий!

– Я тебя не подставлял! – попытался вразумить его отец Василий, но парень его не слушал.

– Быстро в машину! – зарычал он и схватил монтировку.

– Полегче на поворотах! – честно предупредил его отец Василий.

– В машину, я сказал! – Мамай кинулся с монтировкой наперевес, но сразу попался на самую банальную «мельницу» и через доли секунды шмякнулся лопатками об асфальт. Отец Василий осторожно пережал горло неудавшегося бандита коленом и мягко отобрал монтировку.

– Куда тебя понесло, сынок? – ласково спросил он. – Я из таких, как ты, пельмени делал.

Мамай с изумлением взирал на него снизу, он ни хрена не мог понять!

«Черт! – ругнулся отец Василий и тут же испуганно перекрестил рот. – Господи! Чего это со мной?! Спаси и сохрани! Спаси и сохрани! Спаси и сохрани!» Давно уже прежний, дерзкий и неукротимый Мишаня Шатунов не был так близко к нему, нормальному православному священнослужителю. Это его расстроило.

– Поднимайся, – мрачно распорядился он. – Сядешь на пассажирское сиденье и будешь молчать в тряпочку. Ты все

понял? Не слышу!

Мамай дернул кадыком и испуганно моргнул.

Отец Василий обогнул машину, швырнул монтировку рядом с сиденьем и, дождавшись, когда перетрусивший Мамай рухнет на свое место, сел за руль. Мягко приняло его грамотно устроенное кресло, плавно завелся мотор, а необычно высокое расположение относительно дороги давало совершенно изумительный обзор! Давно он не ездил на таких машинах!

Отец Василий орлиным взором окинул бескрайние кукурузные поля и вдруг замер – далеко, среди буйной зеленой массы стлалось легкое, еле приметное облачко пыли... А буквально через минуту он понял, что это пылит тот самый «Опель»!

– Сел? – повернулся он к Мамаю.

Тот обреченно кивнул.

– Пристегнись.

Мамай покорно щелкнул замком ремня. Отец Василий нажал на газ и рванул с места.

Машина шла хорошо, ходко, но вскоре священник заметил, что их нагоняют. Он попытался оторваться, но понял, что проигрывает. На джипах он давно уже не ездил и просто не мог выдержать нужную скорость. Чуть «прижмешь», и эта махина начинает вести себя совсем не так, как его маленький, верткий «жигуль». Время от времени отец Василий поглядывал на своего попутчика. Тот напряженно думал. Он

все глубже осознавал, насколько влип.

– Не кисни, – кинул он Мамаю.

– Тебя все равно поймают, – мрачно пообещал ему парень.

– Что предлагаешь? Остановиться?

– Нет.

Мамай прекрасно понимал, что обречен, и его секундная слабость ни за что не будет прощена поделщиками. Но то, что отец Василий оказался не работающим под прикрытием агентом, а нормальным православным священником, совершенно уничтожило все его расчеты. Ни о какой поблажке со стороны ментов теперь не могло быть и речи.

– Нельзя нам в город, – внезапно нарушил тишину Мамай. – Надо уходить по проселкам.

– Почему?

– В городе нас возьмут.

– С какой это стати? – хмыкнул отец Василий. – Мы сразу в милицию пойдем, и никто нас не возьмет.

– Я – не лох, к ментам не пойду, – скривился Мамай. – У Тихона все схвачено.

– Это старшего, что ли, Тихоном кличут?

– Да...

– Что, и у ментов тоже схвачено?

Мамай кивнул и сглотнул слюну.

«Опель» подошел к ним почти вплотную, но обогнать джип не мог. При каждой попытке сделать это отец Василий плавно сдавал вправо и перекрывал «Опелью» путь. Банди-

ты не кричали, не сигналили, не стреляли и вообще ничего, кроме периодических попыток обогнать джип, не предпринимали. Это было похоже на обычное сопровождение и вызывало тревогу.

«Может, и впрямь у них все схвачено? – подумал отец Василий. – И где-нибудь на въезде в Усть-Кудеяр нас давно ждут?»

– Есть у них сотовый телефон? – спросил он Мамай.

– А как же! – отозвался тот. – Говорю я тебе, надо по проселкам. Они там застрянут, а мы нормально пройдем.

Отец Василий напряженно оглянулся назад и согласился.

– Ладно, давай попробуем.

Он дождался первого поворота влево и, проскользнув под самым носом возмущенно просигналившего «КамАЗа», ухнул с трассы на уходящую в сторону далекого леска грунтовку. Слышно было, как заверещал тормозами «Опель», но отец Василий не оборачивался и выжимал из джипа, сколько мог. Они и на трассе не были защищены, а здесь и вовсе остались один на один с преследователями. Слабенькая надежда на вмешательство каких-нибудь людей в погонах кончилась, едва он свернул в поле.

– Жми, поп, жми! – нетерпеливо ерзал Мамай. – Они отстают!

Отец Василий старался, как мог, но выручала его не скорость, а плохая дорога. Там, где джип скакал горным козлом, «Опель» был вынужден тормозить. Правда, каждая кочка и

каждый прыжок автомашины отзывались в груди отца Василия резкой болью, но эта же боль давала надежду на спасение тела от незапланированной гибели.

– Жми, поп, в бога душу мать! – исходил слюной Мамай, только теперь поверивший, что они все-таки могут оторваться и его не накажут за нечаянное предательство.

– Рот закрой! – жестко предупредил отец Василий. – Еще раз услышу что против бога, пополам порву! «Все в руках Твоих, – думал он. – Спаси нас, если будет на то воля Твоя!»

Отец Василий стремительно приближался к лесочку, и чем ближе было спасение, тем острее глодала его совесть. Там, в Усть-Кудеяре, на весь храм остался только диакон Алексей, а как он один? Молодой совсем. Наверное, давно разошлись по домам и юные мамыши со своими чадами, и хорошо еще, если без обиды в сердце.

«Брошу машину в лесу, – решил он. – А сам пешочком и на трассу! Бог даст, люди добрые подвезут».

Они ворвались в темную лесную лошину, и отец Василий стремительно вел машину, прыгая вместе с джипом через покрывающие дорогу мощные узловатые корни. В открытое окно пахло прохладой и духом сырой земли и прелых листьев.

«Господи! А если что случится?! Как же Олюшка будет без меня?! – тоскливо думал отец Василий. – Только ведь жить начали!»

– Сто-ой! – заорал Мамай, и священник ударил по тормо-

зам. Прямо перед радиатором джипа простиралась через дорогу широкая промоина.

Отец Василий выскочил из машины и осмотрелся. Объехать наискосок перерезавшую дорогу ямину было невозможно.

«Как некстати!» – вздохнул он. «Опель» вряд ли отстал от них больше, чем на три-четыре минуты езды. Он припомнил, как шла дорога, и понял, что ситуация неважная. Отвечений от дороги не было, а это значит, что бандиты подъедут именно сюда.

Отец Василий посмотрел на щуплую, прокуренную грудную клетку своего «напарника поневоле» и поморщился. Отстанет парень, не сможет выдержать хорошего походного темпа, а значит, далеко им вдвоем не оторваться.

– Что делать, блин?! – визгливо заскулил Мамай. – Ну что теперь, блин, делать?!

– Не дрейфь, – тихо сказал отец Василий и огляделся еще раз. Место было неплохое.

«Куда тебя несет?! – кричал внутри его служитель церкви. – Не смей!» Но бывший спецназовец Михаил Шатунов прекрасно видел: место, чтобы принять бой, неплохое. Нормальное, прямо скажем, местечко. Слева от дороги простирался пологий, уходящий вверх, поросший молодыми дубками склон. Справа, там, куда уходила промоина, некоторое время шел спуск, а потом – снова уходящий вверх склон. Джип стоял почти посередине небольшой лощины. И именно

сюда приткнется «Опель». Именно сюда.

«В конце концов, – понял отец Василий, – если я не возьму инициативу в свои руки, то бездарно отдам ее браткам... А так у меня появляется шанс!»

Отец Василий выдернул ключи и метнулся к задней двери. Где-то здесь, в багажнике, он видел то, что ему нужно, – моток капроновой веревки, мешок, монтировку, а в бардачке лежала финка в красивом кожаном чехле, ножнами назвать это декоративное позорище язык не поворачивался.

Он вытащил все наружу, сунул ключи от джипа в карман брюк, сорвал с кресел чехлы и, схватив все это в охапку, побежал вверх по склону.

– А мне что делать? – жалобно спросил Мамай.

– Можешь со мной остаться, а хочешь – уходи, я их задержу.

Отец Василий понимал, что контролировать парня не сможет, и удержать, если тот захочет уйти, его невозможно. В такой ситуации лучше отпустить.

Парень долго, минуты две, смотрел, как готовится к встрече бандитов отец Василий, и в конце концов решился:

– Я здесь недалеко буду.

– Вот и ладненько, – пробормотал священник, устраивая очередную ловушку. – Главное, не дрейфь и не мешай.

Звук двигателя «Опеля» донесся через четыре с половиной минуты. Машина ехала не слишком быстро, и, похоже, как раз сейчас бандиты решали, стоит ли искать беглецов здесь и что делать дальше.

Мамай засыпал священника прелой листвой, и теперь отец Василий недвижно лежал за поваленным стволом сгнившей на корню, нестарой еще осины и наблюдал. Сам Мамай сидел метрах в пятнадцати выше по склону, в кустах шиповника.

«Опель» остановился метров за шесть до джипа, но двигатель продолжал работать. Затем хлопнула дверца, вторая... Послышались голоса, щелчок зажигалки... по лесу разнесся резкий запах сигарет.

– Здесь они, далеко не ушли... – услышал обрывок фразы отец Василий. – Ты и ты...

«Распределяет, кому куда», – усмехнулся священник.

Он был рад, что не ошибся. Бандиты, не понимающие до конца, с кем имеют дело, разбили свои силы на две части – на тех, кто обогнет лощину с одной стороны, и тех, кто с другой.

Снова несильно хлопнула дверца – видимо, кто-то запоздало догадался вытащить из «Опеля» ключи, хоть в этот раз.

– Не стрелять! Может быть, одумается, – услышал он резкий голос Тихона, старшего в команде, и улыбнулся. Это бы-

ло сказано слишком громко и определенно специально для него.

«Не одумаюсь, не беспокойся», – мысленно ответил он и приготовился.

По эту сторону шли двое из пяти: мелкий вертлявый водитель и бугай по кличке Пекарь. Видимо, старший решил, что главное направление поиска – тот, дальний, склон лощины.

– Подожди, – водитель приостановился и начал вытаскивать попавшую за отворот кроссовки веточку.

– Ну ты задолбал ваще, – вяло ругнулся Пекарь и тоже остановился. – Скоро ты там?

– Сейчас, подожди.

«Замечательно!» – подумал отец Василий. Не понимая, что делают, парни давали старшему уйти на тот склон подальше от них и сами лишали себя нормальной огневой поддержки, если что пойдет не так. Они вели себя как самовлюбленные лохи.

«Вам только молоденьких киоскерш пугать! – усмехнулся он. – Тоже мне, бойцы!»

Наконец водитель справился с веточкой, и оба парня тронулись дальше. Бугай Пекарь прошел мимо заваленного прелой листвой священника метрах в трех. Отец Василий трогать его не стал – всему свое время. «Лишь бы Мамай не дернулся. Нервный какой-то пацан, видно, пуганный...» – успел подумать он, как прямо возле него остановился водитель.

– Чего тормозишь? – недовольно проворчал Пекарь, но дожидаться напарника не стал.

– Щас, отолюю, – напряженным голосом ответил водитель.
«Батюшки мои! Да ты боишься!» – догадался отец Василий.

Вертявый долго ковырялся в штанах, еще дольше тужился, и, когда закончил, Пекарь ушел вперед метров на двенадцать, почти к тем кустам шиповника, за которыми сидел Мамай. Это было то, что надо, и, если Мамай не дернется, все пройдет как по нотам.

«Ты, главное, ничего не делай!» – послал отец Василий мысленный приказ парню, хотя прекрасно понимал, что как раз это для нервного, напуганного Мамаю – самое сложное.

Едва водитель шагнул через поваленную осинку, отец Василий дернул за протянутый к соседнему дубку шнур. Водитель зацепился за него ступней и со всего маху рухнул на землю. Священник быстро вскочил и, вжав незадачливого бандита лицом в землю, аккуратно пережал ему сонную артерию пальцем. Тот немного подергался и стих.

«Классненько!» – порадовался своей красивой работе отец Василий и, стремительно соорудив кляп из найденной в багажнике вонючей тряпки, сунул его в рот отключившемуся бандита. Пока все шло как надо, и отец Василий, для верности связав водителя «козлом» – ноги через спину к голове, надел ему на голову велюровый чехол из джипа и быстро перетянул тонкие запястья своей жертвы куском капроновой

веревки.

«Добро пожаловать в чистилище!» – пошутил он над неподвижным телом и понял, что ему одновременно радостно и стыдно за содеянное.

Вверху по склону раздался короткий вскрик, и отец Василий черной расхристанной тенью метнулся на звук. Оказалось, Пекарь обнаружил Мамаю и теперь держал его за шею.

– Браток! – тихонько позвал отец Василий, и Пекарь обернулся: – Держи!

Бугай, получив короткий удар в шею, икнул и повалился носом в листву.

– Как ты? – поднял отец Василий Мамаю.

– Живой, – откликнулся тот и через силу улыбнулся.

– Ну и умница, – похвалил его отец Василий, быстро перевернул Пекаря на живот и принялся стягивать его кисти и ступни за спиной в одно целое. – Теперь тебе лучше оставаться здесь, – повернулся он к Мамаю. – На той стороне мне будет сложнее, только помешаешь.

Парень быстро закивал. Страху он уже натерпелся изрядно, по самое не хочу, и сопровождать священника совершенно не желал.

Отец Василий уложил Пекаря на бок и уже принялся сооружать кляп, когда бандит открыл глаза и громко икнул.

– А-а! Твою мать! – ругнулся отец Василий и схватил бугая за шею. «Господи, сколько в нем здоровья!» – мелькнула мысль.

– А-а-а-а! – заорал Пекарь на весь лес.

– Ах ты, гад! – двинул его отец Василий в шею, но понял: поздно! Вся его конспирация кончилась в один миг.

Он быстро надел на голову Пекарю второй чехол, уже без ненужного теперь кляпа, подхватил моток шнура и финку и, пригнувшись, побежал вниз по склону к «Опелю».

– Пистолет возьми! – громким шепотом крикнул вслед Мамай, но священник отмахнулся.

– Не искушай! – раздраженно сказал он.

Возле машин он вытащил из чехла финку, пробил «Опелю» оба левых колеса и присел, внимательно вслушиваясь в лесные звуки. На той стороне лощины слышался отчетливый хруст. Братки быстро сбегали вниз и только у залитого солнцем дна лощины приостановились. Они не хотели выходить на освещенное место просто так, наудачу. До отца Василия донесся отчетливый запах сигаретного дыма.

«Сколько понтов!» – усмехнулся он. Кто-то из этих придурков не расстался с сигаретой даже теперь.

– Пекарь! – крикнул из-за деревьев старший группы Тихон.

Никто на его зов не откликался.

– Мамай! – уже громче позвал Тихон.

Мамай молчал, как мертвый.

– Эй, поп! – заорал тогда старший. – Слышишь меня?!

Отец Василий сел на землю так, чтобы не затекли ноги, и стал ждать.

– Слышишь меня, поп?! – повторил Тихон. – Отдай мне Мамаю и можешь уходить! Мне от тебя больше ничего не надо!

«Это мы уже проходили! – зло усмехнулся отец Василий. – Кого ты надуть хочешь?!»

– Я тебя не трону, поп! – продолжил агитацию и пропаганду Тихон. – Иди, куда хочешь! Только Мамаю оставь! Зачем тебе это чмо?!

Смысл в действиях Тихона был. Без Мамаю отец Василий вряд ли кому что докажет. С другой стороны, Тихон мог предполагать, что священник и Мамаю не во всем договорились, а значит, надо вносить раскол. В такой ситуации ни одно ведро грязной воды не лишнее.

Но, скорее всего, это был обычный тактический ход, и Тихону по-прежнему нужен отец Василий, хотя бы мертвый и уже поэтому надежный и молчаливый. Отец Василий вздохнул: похожую ситуацию он когда-то уже наблюдал.

К тому делу их подключил начальник городского УВД. Грабители успешно взяли обменный пункт крупного банка, но их подвела случайность. К водителю-подельнику прицепился инспектор ГИБДД, да так прицепился, что не отдерешь. Он-то и сорвал им весь график отхода.

Водитель сначала хорохорился, но чем сильнее он дергался, тем большую неприязнь вызывал у службиста. Когда водитель понял, что времени больше нет, он попытался уехать внаглую, но инспектор, мастер спорта по боевому самбо,

буквально одной рукой выдернул его из-за руля машины и удерживал до тех пор, пока не подоспела подмога. И у грабителей все поехало наперекосяк, а само ограбление вошло в историю города как одно из самых дурацких и неудачливых.

Они нормально вышли из банка, поняли, что машины нет, остановили проезжающую «Мазду» и вышвырнули ее хозяйина, но не проехали и пятнадцати метров. У перекрестка машина заглохла и встала как вкопанная. Хозяин «Мазды» тут же вытащил из кармана сотовый телефон, и вскоре неудачливых грабителей гоняли внутри квартала, как зайцев. В конце концов они заперлись внутри пустого по субботнему времени детского сада и взяли в заложники его сторожа.

Переговоры вел самый главный. Непонятно, кем он себя возомнил, но единственным его требованием было отдать водителя в обмен на сторожа.

– Отдайте моего друга! – орал он через железную дверь. – Я знаю, вы его взяли!

Начальник УВД на соглашение не пошел и послал на захват ОМОН, но, по сути, омовцы опоздали. Когда они ворвались в детский сад, то обнаружили только трупы двух грабителей и сторожа. Главарь вместе с кассой ушел через подвал вдоль проложенных под землей труб теплоснабжения.

Он прополз восемнадцать метров и задохнулся в двух метрах от люка. Как сказали эксперты, в подземных коммуникациях оказалось слишком много метана. Запредельно много...

Но мораль, в общем-то, была не в этом. Пойди начальник УВД на тот обмен и верни «другана» в надежде спасти хоть одну человеческую жизнь, в детском саду просто стало бы на один труп больше. Логика у главара была простая – чем меньше живых свидетелей, тем лучше.

Где-то далеко сбоку громко треснула ветка, и отец Василий насторожился. Снова послышался легкий треск, и священник понял, что, пока он тут слушает все, что ему втирает Тихон, два его помощника идут стороной, чтобы напасть с тыла.

«Осел! – ругнул он себя. – Совсем нюх потерял!» Он тихо отступил назад и, пригнувшись, пошел вверх по ложине, туда, где услышал треск.

– Ты слышишь меня, поп?! – кричал Тихон. – Отдай мне Мамаю и катись, куда хочешь!

«Он опытнее, чем я думал, – признал священник. – Простой браток сразу ломанулся бы выручать Пекаря, а этот все просчитывает. И кричит громко, чтобы я тех двоих не услышал...»

– Давай поговорим! – продолжал отвлекать его внимание Тихон.

Отец Василий скользнул в тень деревьев и побежал. Метров через десять он остановился и прислушался – ни треска веток, ни запаха сигарет.

«Курил только Тихон, – подумал он. – Тоже внимание отвлекал?»

Под ногой хрустнула ветка, и отец Василий пригнулся и почувствовал, как прострелило отвыкшую от таких движений поясницу. В этот момент он искренне пожалел, что забросил упражнения на гибкость, заменив их простыми деревенскими радостями вроде баньки да проруби.

– Стоять, поп! – услышал он сзади и резко развернулся. Прямо в лоб ему был нацелен большой черный пистолет, он таких прежде и не видел.

– Что вам надо? – хрипло спросил он, скользнув глазами по сторонам. Пистолет держал сухой широкоплечий мужик, а справа, ухмыляясь, подходил второй – поплотнее и, похоже, покрепче.

– Руки! – потребовал широкоплечий, и отец Василий послушно поднял руки вверх.

– Перед собой! – пояснил широкоплечий, и отец Василий послушно вытянул руки прямо перед собой.

На запястьях матово блеснули так и не снятые браслеты от прежних наручников, и широкоплечий усмехнулся и ехидно переглянулся со вторым.

– Не повезло батюшке!

Это была ошибка. Едва он отвлекся, отец Василий рванул вперед и, перехватив сжавшую пистолет кисть, в доли секунды вывернул ее и вырвал оружие.

Мужик охнул, уже в следующий момент получил рукоятку в темечко и безжизненным мешком повалился на землю.

– Нокаут, – зафиксировал священник и, перепрыгнув че-

рез тело, оказался глаза в глаза со вторым.

Бандит явно был в шоке. Он словно проглотил язык и с ужасом смотрел в дерзкие глаза провинциального попа.

– Жить будем или кричать? – поинтересовался отец Василий и, не дожидаясь ответа, ударом в горло вырубил и второго. Затем он, бросив пистолет, вытащил из-за пазухи моток веревки, стремительно обоих связал и почти бегом направился в сторону Тихона. Тот еще кричал.

– Выходи на полянку, поп! Или хочешь, я выйду! Хочешь?! Давай поговорим! – громко убеждал он темное лесное пространство. – Я тебе верю, ты ведь умный мужик...

Отец Василий ускорил ход, взял чуть левее голоса, обошел Тихона сзади и вскоре увидел спину главара. Тот время от времени затягивался и снова продолжал убеждать.

– Давай поговорим! Будь же ты мужиком!

Некоторое время священник стоял и слушал, а потом сунул правую руку под обрывки рясы, оттопырил указательный палец и шагнул вперед.

Старший оглянулся, когда до него оставалось метров пять.

– Повторяешься, Тихон, – улыбнулся священник и еще сильнее оттопырил палец под рясой.

Старший дернулся, сунул было руку в карман, но, наткнувшись взглядом на что-то, торчащее под рясой, проглотил слюну и выставил ладони вперед.

– Спокойно, братан, спокойно, – сказал он. – Все нормаль-

но...

– Да ну?! – удивился отец Василий. – Ты, кажется, поговорить хотел? Так я пришел. Говори.

– Мне Мамай нужен, – жалобно улыбнулся Тихон, потихоньку сдавая назад. – Отдай мне Мамаю.

– А зачем тебе Мамай? – снова сократил расстояние между ними священник.

– Он мне бабки должен, – растерянно выпалил Тихон.

– Умнее ничего не придумал?

Тихон сморщил лоб. Он не ожидал увидеть отца Василия прямо перед собой и теперь не знал, что и соврать.

– Ты мне на фиг не нужен, отец, – еще раз жалобно улыбнулся он и снова сдал назад, подальше от этого взбесившегося попа.

Священник сделал еще два шага вперед, когда услышал позади себя треск сушняка. Это была новость!

– Руки вверх, сучара! – раздался сзади визгливый голос Мамаю.

Отец Василий вздохнул и поднял руки. Мамай знал, что он безоружен.

– Ты все-таки перекинулся! – усмехнулся священник. – Прямо гений политики!

– Не свисти, мусор! – нервно откликнулся сзади Мамай, а главарь сглотнул слюну и пошел им навстречу.

Тихон ударил его рукоятью пистолета – зло, с расчетом выбить зубы, но в самый последний момент отец Василий

повернул голову, и удар прошел вскользь, по губам.

– Ты звал, я пришел, – облизнул теплую кровь на лопнувшей губе отец Василий. – Говори, я слушаю.

– Крутого из себя строишь?! – нервно засмеялся Тихон.

– Просто хочу послушать, что скажешь, – еще раз облизнул губу священник.

– Ты покойник, мусор, – сузил глаза Тихон.

– А ты, я вижу, видиков насмотрелся, – улыбнулся отец Василий. – Человеческую жизнь ни во что не ставишь...

– Ладно, заткнись, – зло распорядился Тихон и глянул чуть в сторону от него. – Где остальные?

– Пекарь и Шнобель на той стороне оврага лежат, – ото-звался за спиной священника Мамай.

– Живые?

– Вроде живые.

– Ладно, – помрачнел Тихон и уперся взглядом в священника. – С ними – потом. Что мне с тобой делать?

– Ты сказал, отпустишь, – напомнил отец Василий. «Тихона-то я отсюда достану, – прикинул он. – Впритирку, но достану. А вот этот поганец за спиной некстати торчит...»

– Мало ли что я говорил, – усмехнулся Тихон. Было видно, как он доволен поимкой.

– Не отвечаешь... за базар, – с сожалением покачал головой священник.

– Твое дело – телячье! – огрызнулся Тихон. – Стой и не бзыкай!

Все могло обернуться и по-другому. Но отец Василий ни на секунду не пожалел, что не собрал пистолеты. Он знал, как просится оружие в бой, как тоскует оно по теплому человеческому телу, как любит толчки покидающей артерии крови. Он мог не выдержать этого соблазна, а вколотенные годами тренировок навыки, когда каждая клеточка тела знает, что она будет делать через несколько сотых секунды, могли выйти боком. Тело просто сделало бы все автоматически.

– Сдайся, Тихон, – внезапно предложил священник. – Не гневи бога. Ты и так запутался – дальше некуда.

Тихон задрал брови вверх и... захохотал.

– Ты мне предлагаешь сдаться?!

– Пока еще не поздно, Тихон... Хватит, завязывай.

– Ты за кого себя держишь, поп?! – ткнул ему стволом в лицо главарь. – Ты что о себе возомнил?!

«Нет, это не бандит! – окончательно уверился отец Василий. – Под бандита косит, но сам – не из этой среды...»

– Щас курок нажму, закопают тебя в этой яме, и ни одна собака не узнает, – гоголем распрямил грудь главарь. – Ни один легавый!

– Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано, – тихо сказал отец Василий.

– Да ну?! – захохотал Тихон. – А я и не знал! То-то я до сих пор на свободе гуляю! Мамай! – крикнул он своему подручному. – Кончай его! Хватит! Отец Василий почувствовал, как ствол уткнулся ему между лопаток, но стрелять Ма-

май не решался.

– Давай, сынок! – подбодрил его Тихон. – Мочи его! А я посмотрю, прощать тебя или нет.

Это был его промах, не следовало этого говорить сейчас. Отец Василий почувствовал, как дрогнула рука Мамаёв и медленно пополз вдоль спины ствол. Парень опускал пистолет. Время словно замедлило ход. Отец Василий, не оборачиваясь, поймал рукой пистолет за ствол, плавно отошел в сторону и самым кончиком ступни уделал Тихона в подбородок.

– Ах! – сказал Тихон.

– Уф! – зашипел от боли в вывернутой кисти Мамаёв.

Все снова изменилось слишком стремительно, чтобы кто-нибудь из них оказался к этому готов.

Отец Василий так же плавно положил Мамаёв на землю, отобрал пистолет и метнулся к Тихону – тот пытался встать. Получалось плохо, голова Тихона тряслась, глаза смотрели вдаль, но пальцы уже пытались нащупать спусковой крючок. Надо было его опередить.

– Тихо, родной! – припечатал его к земле вторым ударом в подбородок отец Василий и оглянулся. Мамаёв, пробуксовывая ногами, отчаянно карабкался на четвереньках вверх по склону.

Тихон снова дернулся, и священник понял, что Мамаёв пока заняться не сможет. Здоровья у главаря оставалось еще слишком много.

Отец Василий стащил всех пятерых бандитов к машинам, уложил в рядок, содрал с голов Пекаря и вертлявого водителя чехлы от сидений, вытащил кляпы и начал:

– Ну что, гаврики, поговорим?

– Не о чем нам базарить! – мрачно сплюнул в сторону Тихон, всем своим видом показывая, что не скажет ни слова. Остальные, панически прислушивавшиеся ко всему, что происходит, напряглись.

– Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки, – сказал отец Василий и задумался.

Лет десять назад он знал бы, что с ними делать, и все они, каждый из этих «крутых», раскололся бы через десять-двадцать минут интенсивных «следственных действий». Уж на это его в пределах учебного курса натаскали. Но теперь это было невозможно. Он не хотел, чтобы кто-нибудь применял эти методы к живому человеку. Он не желал познать этот уровень боли ни себе, ни кому другому.

– Не мент я, – тихо сказал он. – Хотите верьте, хотите – нет. Не мент.

– Кому ты свистишь? – горько усмехнулся Тихон. – Что я, ментов не видел?

– Да, я не всегда был священником, – согласился отец Ва-

сий. — Как и ты не всегда был бандитом... Но, видит Бог, теперь я нормальный поселковый священнослужитель...

Бандиты жмурились на бьющем в глаза солнце и явно не имели ни малейшего желания говорить о правде или о совети.

«И что это я мечу бисер перед свиньями? — подумал он. — Перед кем распинаясь?! Им же начхать, кто я, им главное бабки свои срубить».

— Все, загружаемся! — распорядился он и, открыв заднюю дверцу джипа, начал зашвыривать их на заднее сиденье одного на другого.

— Полегче, поп! — возмутился Пекарь. Он был самый тяжелый, и загрузить его в машину оказалось труднее, чем остальных.

— Потерпишь, не девочка, — укорил его отец Василий, хлопнул дверцы и прыгнул за руль.

— Куда ты нас везешь? — сдавленно прохрипел откуда-то с самого низа «штабеля» Тихон.

— В ментовку, — не стал врать отец Василий. — Сдам вас — и на службу. У меня в отличие от вас, придурков, обязанности перед людьми и Господом.

— Ну как знаешь! — снова прохрипел снизу Тихон. — Только без толку это все. Ты понял? Я так и так выйду.

— Откуда тебе знать?

— Да уж знаю, — откликнулся тот.

Отец Василий аккуратно развернул джип и повел его по

лесной дороге к трассе. И чем дальше он ехал, тем лучше доходило до бандитов, что права качать уже поздно.

– Слышь, поп! – беспрестанно хрипел сзади Тихон. – Не сдавай нас... отпусти! – Он никак не мог поверить в такой конец всей этой истории.

– И вы снова приметесь за старое?

– Тебя не тронем, клянусь!

– Не клянись.

– Отпусти нас! Богом тебя молю!

– Не поминай имя Господне всуе.

– Ты ведь тоже не безгрешен, поп! Где твое смирение?

Отец Василий вздохнул. В каком-то смысле Тихон был прав, не был слуга Божий слишком смиренным сегодня.

– Верно, Тихон, – признал он. – Это мой грех. Но давай больше об этом не будем. Если ты еще не понял, я в отличие от тебя за базар отвечаю. Сказал, сдам, значит, сдам.

Тихон что-то невнятно промычал и смолк.

Отец Василий неторопливо выехал на трассу и повел машину в сторону Усть-Кудеяра. Как ни странно, он чувствовал удовлетворение. Да что там удовлетворение! Он был счастлив!

Отец Василий осознавал, что поступил не совсем правильно, ввязавшись в схватку, но разве был у него выбор? А главное, никогда прежде ему не удавалось так хорошо контролировать ту часть себя, которую в бытность Михаилом Шатуновым он не мог удержать никогда. Он вспомнил, как

долго, все шесть последних лет, каждый Божий день боялся, что это в нем проснется! Что произойдет какая-нибудь роковая случайность и он начнет ломать людям кости. Но вот она произошла, и... ничего! Он остался тем, кем был все последние шесть лет, ненависть не застила глаза, а жажда убийства – разум.

* * *

Путь в управление УВД лежал мимо его дома. Отец Василий тревожно сглотнул, увидев, как Олюшка развешивает белье, и, естественно, останавливаться не стал, а проехал вдоль стоянки, мимо поста ГИБДД, мимо шашлычной Анзора и придорожного кафе Ивана Петровича, мимо храма, в котором служил Господу, и вскоре подъехал к зданию усть-кудеярского УВД.

Он вышел из машины, запахнул на груди разорванную рубашку, вздохнул и решительно проследовал в высокие дубовые двери. Миновал «аквариум» дежурки с по-рыбы разинувшим рот капитаном и ступил на лестницу.

– Стой! – чуть не прозевал несанкционированный прорыв молоденький сержантик. – Ку-да?!

– К Ковалеву! – отрезал священник.

– Какому Ковалеву?! – не понял тот.

– Шефу твоему! – рявкнул отец Василий, с усилием стряхивая блюстителя с и так уже разодранного рукава.

– У меня Сердюк – шеф, – растерялся сержант и только теперь начал догадываться, что это тот самый поп, что проходил мимо него сегодня утром. – Так, вы... это самое...

– Да-да! – закивал ему отец Василий. – Я – это самое! – Он дернул рукой и, оставив добрую часть хорошей черной материи в руках постового, пробежал вверх по лестнице.

Ковалев его не ждал. Когда отец Василий, с трудом прорвавшись сквозь секретаршу, появился в дверях, начальник милиции вел планерку.

– Ты, Скворцов, – распекал он кого-то, – со своими сомнительными новациями, куда не просят, не суйся! Сперва работать научись... – Ковалев запнулся, и все десять-двенадцать подчиненных дружно повернули головы к высоким дверям кабинета.

– Извините, – пришел в себя отец Василий и устыдился. Конечно же, в таком виде здесь появляться не стоило.

– Отец Василий?! – поднял брови Ковалев. – Что это с вами?!

– Я там... бандитов привез, – пожал плечами священник и машинально опустил глаза. Кровоподтеки, ссадины, нещадно разодранная ряса... Никогда прежде он не чувствовал себя столь нелепо.

– Так, товарищи, все свободны, – тихим голосом завершил планерку Ковалев. – Остальное – в рабочем порядке. Проходите, батюшка.

– Некогда мне, Павел Александрович, – покачал головой

отец Василий. – Пойдемте, примете их всех...

– Как это «примете»? – не понял Ковалев.

– Я их привез, – пожал плечами священник.

– Это про них вы мне утром говорили? – внимательно заглянул священнику в глаза милиционер.

Отец Василий кивнул.

– Тогда идем.

Когда они спустились вниз и подошли к джипу, дверца была приоткрыта, а связанные бандиты пытались расползтись, как черви из перевернутой банки.

Отец Василий бережно приподнял самого шустрого и продемонстрировал его начальнику усть-кудьярского УВД.

– Ты с ними, Павел Александрович, не тяни, – попросил он Ковалева. – А то я так и не понял, чего они хотели, а у меня ведь служба, прихожане...

– Не беспокойся, – жесткими глазами осматривал поступивший к нему «груз» Ковалев. – Они мне все расскажут!

Теперь можно было и передохнуть. Отец Василий тщательно описал все происшедшее с ним, сдал заявление лично Ковалеву и поехал на своем уже подогнанном к зданию УВД и даже заправленном ментами «жигуленке» в поликлинику обрабатывать порезы и пробоины. В таком виде он показываться Олюшке не хотел.

«Не дай ей Бог даже прикоснуться к тому кошмару, в котором когда-то жил я!» – подумал он.

Олюшка не сказала ни слова. Она молча, словно все так и должно быть, приняла разодранную рясу, принесла от цистерны два ведра воды и помогла смыть пот и остатки присохшей крови.

– Ты не волнуйся, – попросил отец Василий, – ничего страшного не произошло.

Но когда он разделся окончательно, то понял, что доводы его малоубедительны. В поликлинике аккуратно обработали порезы на грудной клетке, но вот трусы оказались насквозь пропитанными стекавшей сверху кровью.

– Что случилось, Миша? – не выдержала Ольга. Она давно уже не называла его так.

– Все хорошо, Олюшка, – попытался выглядеть безмятежным отец Василий. – Просто ребята ошиблись, вот и порезали немного.

– Немного?!

– Конечно, немного! Будь здесь что-то серьезное, разве я домой бы пришел? Лежал бы сейчас в больнице...

Честно говоря, его хотели положить на обследование, и только особый статус священника позволил ему отвертеться от общеобязательной процедуры.

– А что значит «ошиблись»? С кем можно перепутать священника?

Отец Василий насупился и промолчал. В Усть-Кудеяре перепутать священника с кем-то другим в принципе невозможно!

– Знаете, батюшка, – серьезно сказала Ольга. – Я не маленькая девочка. Не надо от меня ничего скрывать! Или вы все забыли?

Он ничего не забыл. Уже в первый месяц их совместной жизни, еще в Загорске, они как-то разом пришли к выводу, что копаться друг в дружке не обязательно, но если возникло непонимание, скрывать ничего нельзя. Потом себе дороже станет. Конечно, она была права.

Отец Василий вздохнул, намылил мочалку и начал рассказывать. Все, от самого начала. Он говорил и остро ощущал, как всей своей сутью отвергали Божий дух его невольные сегодняшние «знакомые». Они настолько давно и прочно связали свои судьбы со служением «князю мира сего», что каждое разумное слово почти автоматически вызывало у них раздражение.

«Господи, прости их, если сможешь!» – мысленно просил Всевышнего отец Василий, но каждый раз был вынужден признать, что Бог-то простит, но вряд ли они это оценят. Поздно...

* * *

В храм он попал только к девяти вечера. Диакон Алексей

дождался священника в беседке на лавочке и, едва заметил знакомый рослый силуэт на автостоянке, почти бегом кинулся навстречу.

– Что стряслось, батюшка?! – напряженно затараторил он. – Младенцы не крещены остались! А тут еще служба! Я и не знал, что делать! Матушке Ольге позвонил, она не знает! В «Теплосети» позвонил, так вас и там нет! Хотя в милицию обращайся!

– Правильно, Алексей, – доброжелательно кивнул ему отец Василий. – В милицию и надо было звонить. Там бы тебе все объяснили.

Диакон словно ухнул с высоты. Лицо вытянулось, нижняя губа растерянно отвисла, а испуганные глаза отчаянно заморгали.

– Как в милицию? – прошептал он. – А как же младенцы?

Отец Василий пожал плечами и направился в храм: предстояла вечерняя служба.

Он переоделся, но настроиться на соответствующий лад не удавалось. «Господи, грешен!» – горько признал он. Сегодняшние заботы по спасению плоти совершенно выбили его из привычного состояния духа. Мысли путались, хаотично сменяя одна другую, и были эти мысли грешными и абсолютно мирскими. Он думал о чем угодно: об Олюшке, бандитах, начальнике милиции Ковалеве, но только не о прихожанах.

Лишь к началу службы ему удалось собраться, и только к ее завершению он снова почувствовал себя хорошо. Правда,

немного побаливали ребра, но эту боль можно было терпеть.

Когда отец Василий отправился пешком домой, солнце уже висело над самым горизонтом. Ветер гнал вдоль улиц теплый, прогретый за день воздух, ласково шевелил веточки берез, трогал его за бороду; жирные зеленые мухи жизнерадостно кружили над сваленными на дороге помоями; квохтали за заборами курицы; изображая ревностную службу, лениво брехали дворовые собаки. Жизнь заявляла о себе отовсюду, из каждого угла.

Но сегодня отец Василий радоваться жизни вместе со всеми Божьими тварями не мог. Его знобило, и даже в тень от заборов он ступал с неохотой, так, словно эта тень имела какое-то отношение к той, великой тьме. Давно он уже не чувствовал себя так близко к границе, отделяющей жизнь под Божьим солнцем от ее жуткой противоположности.

Это чувство уже было ему знакомо. Он испытал его в далеком девяносто первом, когда они брали банду Веселого.

Веселым главаря известной подмосковной ОПГ прозвали за косой шрам от угла рта до уха и склонность к разнузданному куражу в самый неподходящий момент. На этом он, кстати, и погорел.

Его братки гуляли в кабаке вопреки всем правилам далеко за полночь, и наступил момент, когда импровизированного стриптиза двух сестер-певичек им стало не хватать, и они стащили их со сцены, а потом и начали прорываться на кухню. Ведь певичек разложили на столах самые пряткие, а

женского мяса хотелось всем и сразу.

Некоторое время они ломились через благоразумно установленные администрацией на дверях и раздаточных окнах кухни решетки и, не получив своего, начали стрелять. И тогда директриса сломалась и позвонила в милицию.

Теперь уже трудно сказать, что заставило ее совершить столь необдуманый шаг, хотя, как говорили потом ребята из угро, у этой зрелой сорокапятилетней женщины как раз в то время случился бурный роман с только что принятым на работу молоденьким поваром. Похоже, когда парни Веселого начали стрелять сквозь решетку, она просто испугалась за жизнь своего любовника.

Через двадцать три минуты после звонка их всех повязали. У начальника райотдела с Веселым были давние личные счеты. Но для омовца Мишани Шатунова этот выезд окончился плохо, его ударил шилом в поясницу один из бойцов Веселого.

Некоторое время, будучи в горячке, Миша ерепенился. Он даже уложил на пол, рядом с бьющейся в истерике растерзанной певичкой, правую руку Веселого – Дмитрия Селиверстова по кличке Ершик. Но потом начал терять равновесие и даже врезался лбом в стойку при посадке в машину. Ребята дружно его обсмеяли, и только минут через пять заметили, что Шатун никого не слышит и закатывает глаза.

Отец Василий запомнил те свои ощущения до мельчайших подробностей. Сначала он почему-то обиделся на паца-

нов, и здорово обиделся. Но было это все как-то странно. В то время как одна его часть обижалась, вторая наблюдала за всем происходящим и удивлялась – чего это, мол, со мной?! А потом его начало морозить. Холод был такой мерзкий, такой пронизывающий, словно его посадили задницей на лед. Его начало колотить, а затем что-то произошло, и он внезапно увидел над собой озабоченное лицо Супрунюка. Тот потараканьи шевелил густыми прокуренными усами и что-то говорил, но слов Михаил не слышал.

Когда парни доставили его в госпиталь МВД, кровопотеря была критической. Не было ничего «такого», ни видений, ни ощущения отделения от тела, но жуткий замогильный холод преследовал его во снах еще с полгода, и это было по-настоящему страшно. Каждый раз Михаил просыпался и кидался отжиматься от пола, изгоняя остатки сна, а потом брел на кухню хлебать горячий чай. И теперь, спустя девять долгих, наполненных событиями лет, все словно повернулось вспять. Господи! Как он этого не хотел!

В этот раз отец Василий добирался домой невообразимо долго, минут сорок. С ним приветливо здоровались, спрашивали, как дела, и он что-то отвечал и шел дальше, изредка останавливаясь, чтобы передохнуть.

«Они точно инструмент не дезинфицировали!» – с неприязнью подумал он о Тихоне и Пекаре, хотя осуждать их было как бы и не за что. Ведь никто его живым отпускать не собирался.

Солнце уже совсем опустилось в желтое море за сопкой, и наступили сумерки. Но решающие пятьсот метров до дома он преодолел с колоссальным трудом, мечтая лишь о том, как ляжет в постель, вожмется в теплое, мягкое тело любимой супруги и уснет. И последней его мыслью перед тем, как он увидел свой показавшийся из-за штабеля досок двор, было: «Зря я в больницу лечь не согласился... Как бы мне теперь на неделю не свалиться!»

Отец Василий прошел еще несколько метров и остолбенел: во дворе, прямо за цистерной с водой, стояли два джипа. Он взмок так, что подрысник прилип к спине.

В любой другой день он бы только обрадовался. Это могли приехать и глава администрации района, и кто-нибудь из депутатов, но сегодня с джипами у него ассоциировались только бегство, предательство, боль и безбожие.

Священник стремительно метнулся к цистерне, присел и прислушался.

– Муха, глянь здесь, – тихо распорядился властный, глуховатый голос.

«Ольга!!!» – еще сильнее взмок отец Василий.

Он выглянул из-за цистерны, отметил взглядом троих человек у штабеля досок, быстро переместился к джипу, присел у колеса, снова выглянул, отметил еще двоих, нырнувших в баньку, переместился к стопке шифера, убедился, что никто в его сторону не смотрит, и нырнул в окошко цокольного этажа.

Он упал прямо на тюки со стекловатой, спрыгнул на пол и помчался вверх по лестнице, на кухню.

«Ольга! – стучало в его голове. – Лишь бы они еще не заметили Ольгу!»

Кухня была пуста.

Он кинулся в гостиную – пусто!

Он пробежал к сушилке, ворвался в спальню – пусто!!

Он кинулся в зал – пусто!!!

Это могло означать что угодно. Что Ольги просто нет дома, хотя куда она пойдет, зная, что вот-вот он вернется из храма?! Ольга могла заглянуть в курятник... и – самое страшное – Ольга могла уже оказаться у них в руках.

«Спокойно! – приказал он себе. – Сначала телефон!»

Он кинулся к телефону, схватил трубку, но гудков не было – трубка молчала.

«Обрезали», – обреченно кивнул он головой, опять пожалев, что сэкономил и не взял сразу сотовый, как это делают все нормальные священники.

«Значит, на задний двор!» – решил он и еще раз выглянул в окно, чтобы еще раз убедиться, что Ольгу никто из бандитов не схватил.

– Что там, Муха? – вполголоса поинтересовался чей-то голос.

– Пусто, – так же тихо ответил Муха.

– Вот сука! – тихо ругнулся кто-то. – Ищите. Баба должна быть здесь.

– Может, к соседям переметнулась? – предположил кто-то.

– Каким на хрен соседям? Здесь вокруг одни стройки... Хотя, ладно... иди проверь.

Отец Василий последний раз оглядел двор и вдруг увидел Ольгу! Она стояла, прижавшись к стене летней кухни, и безотрывно смотрела в его сторону. Она его видела!

Отец Василий показал ей в сторону забора. Мол, уходи! Но она или не поняла, или не разглядела. В наступивших сумерках отличить черную материю рукава от окружающей тьмы было почти невозможно.

Отец Василий снова махнул, но и на этот раз безрезультатно. Ольга напряженно всматривалась в темноту окна, она определенно видела только его лицо.

Отец Василий тревожно оглядел двор. Незваные гости Ольгу пока не видели, но могли наткнуться на нее в любой момент!

И тогда она закричала:

– Батюшка, бегите!!!

«Гости» остолбенели, но уже в следующий миг кинулись на голос. Ольга вскочила на крыльцо летней кухни, юркнула в приоткрытую дверь и закрылась изнутри.

«Дура-баба!» – ругнулся отец Василий. Ольга не понимала, что стены теперь не защита.

Он страшно закричал и, отвлекая внимание на себя, черной крылатой тенью выпрыгнул в окно и побежал вдоль сте-

ны к машинам.

«Сколько их может быть? – прикидывал он на ходу. – В джип помещается человек пять, машин здесь две... Пятерых я видел... человек восемь-десять запросто...»

За углом дома на него кинулись те двое, что ходили проверять баньку. Отец Василий мягко поднырнул под руку одного, перехватил его за кисть и повел руку на излом. На него тут же обрушился и второй, но священник провел подсечку и, не дожидаясь, когда тот рухнет носом в утоптаный грунт, довел прием до конца.

Локтевой сустав хрустнул оглушительно громко; отец Василий уже и забыл, как это бывает. Парень икнул и отключился.

Сзади пахнуло ветром, и отец Василий пригнулся и, по-волчьи развернувшись всем телом, провел блок и уже в следующий миг вывернул нападавшему плечо.

Этот оказался покрепче, он заорал так, что, казалось, посыплется листва с деревьев. Отец Василий сдернул с его плеча короткий милицейский «АКС», вытащил из-за пояса еще один ствол и, подхватив парня под мышки, потащил во двор.

– Всем стоять! – заорал он. – Кто дернется, порешу!!!

В кромешной тьме двора метались какие-то тени, но не стрелял никто.

«Господи, Олюшка! Давай через окно! – молил он. – Подумайся, родная!!!»

Возле джипа он заметил притаившуюся тень, подвел свое

живое, орущее от боли «прикрытие» почти вплотную и провел быстрый и точный удар туда, где должно было находиться лицо. Противник всхрипнул и повалился на землю.

«Почему никто не стреляет?! – не понимал священник. – Что вообще, вашу мать, происходит?!»

Он прошел вдоль штабеля досок почти через весь двор, когда услышал первый выстрел.

– Поп! – услышал он. – Стой, где стоишь!

– А то что будет?! – поинтересовался он, прикрыв рот своего беспрестанно ревущего живого прикрытия ладонью.

– Попадья-то у нас.

«Что за черт! – простонал отец Василий. – Сколько можно?!»

– Что тебе надо?! – крикнул он и продвинулся на полшага вперед.

– Тебя!

– Зачем?! – он продвинулся еще. Движение двух темных силуэтов во всей этой тьме и неразберихе заметить было сложно.

– А ты не знаешь?! – издевательски спросил голос.

– Нет! – честно признался отец Василий и продвинулся еще на шаг.

– Стой, где стоишь, я сказал! – предупредил голос. – Или ты хочешь, чтобы я твоей бабой занялся?!

– Ты сказал, что я тебе нужен! – напомнил священник и продвинулся еще на четверть шага. – Я хочу знать, зачем!

– Не втирай мне, поп! – предупредил голос. – Я вижу, ты боец, но мозгов у тебя нет.

– А у тебя они есть?! – поинтересовался отец Василий и продвинулся еще немного.

– Слушай меня, поп! Стой и слушай!

Отец Василий хмыкнул. Отдавать невидимому противнику психологическое превосходство было глупо. Тот именно этого и добивался.

– Как тебя звать?! – спросил он и продвинулся еще немного.

– А тебе какая разница?!

– Хочу знать, с кем базар! Кто со мной через мою бабу воюет?!

– Я с тобой еще не воевал, ментяра поганый! – поперхнулся невидимый.

– Слушай меня! Ты! – перебил его отец Василий. – У меня тут четверо твоих бойцов! Хочешь, чтобы они остались в живых?! Или как?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.